

С. ЗАХАРОВ

**МАТРОС
РЕВОЛЮЦИИ**

С. Захаров

Матрос революции

Павел Данилович Хохряков

С. ЗАХАРОВ

МАТРОС
РЕВОЛЮЦИИ

Свердловск
Средне-Уральское книжное издательство
1979

З-38
ЗКП1(092)

Эта книга продолжает серию «Замечательные люди Урала». Она рассказывает об известном революционере, герое гражданской войны матросе Павле Даниловиче Хохрякове.

Рецензент — научный работник Свердловского областного партийного архива
Е. И. Монсева.

З 10302—045
М158(03)—79

© Средне-Уральское книжное издательство,
1979

Из матросской среды Кронштадта вышли А. Г. Железняков, Н. Ф. Измайлов, Н. Г. Маркин, П. А. Пожаров, И. Д. Сладков, Т. И. Ульянов, П. Д. Хохряков, тысячи агитаторов и борцов за Советскую власть.

Большая советская энциклопедия,
т. 13, с. 479

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В начале осени 1917 года Павел Хохряков был вызван в Военную комиссию ЦК РСДРП(б).

— Я несколько раз слышал вас на митингах,— сказал ему Яков Михайлович Свердлов,— читал в газетах ваши статьи. Вы прирожденный агитатор. Солдаты и матросы понимают и любят вас...

— Что вы, Яков Михайлович! — смутился Павел. — Слабый я еще агитатор. Образования не хватает: из третьего класса церковноприходской школы в батраки пришлось отчалить.

— Вы молоды, товарищ Хохряков,— с теплой улыбкой произнес Свердлов,— доучиться успеете, такая возможность представится... Но это все в будущем, сейчас же нам придется образовывать себя и других на ходу. Время горячее, напряженное...

— Это понятно.

— Политическое воспитание масс,— продолжал Свердлов,— пока еще не закончено. А вы в своих выступлениях рассуждаете правильно — умеете находить нужный язык с людьми. Поэтому придется вам поехать на Урал, в Екатеринбург...

— В Екатеринбург? — Хохряков даже привстал со стула.

— Да, да... Вы отлично показали себя на агитационной работе. Надо помочь, товарищ Хохряков, Уральской организации в подготовке к вооруженному восстанию. Если поче-

му-либо здесь, в центре, борьба за власть будет затруднена, начнем с других мест. Ясно? Речь идет в первую очередь об Урале... Подробные инструкции получите у товарища Подвойского... А с решениями VI съезда партии вы, конечно, знакомы...

Павел Хохряков попал на военную службу в сентябре 1914 года, когда по городам и селам России с котомками за плечами или мешками тянулись нестройные ряды мобилизованных. Вятское воинское присутствие «определило» Павла на Балтийский флот. Шел ему тогда двадцать второй год.

Родился он в 1893 году в деревне Хохряковская Вожгальской волости Вятской губернии. Отец Данила Александрович, мать Евдокия Семеновна. Павел был пятым ребенком в семье. До него шли три брата — Андрей, Иван, Александр и сестра.

В наши дни о детстве Павла Хохрякова помнят лишь очень старые люди: например, Ампий Павлович Карпов и Никандр Иванович Хохряков. Они рассказывают, что мальчишкой Павел «любил играть в войну с деревянными ружьями».

Племянница его Анна Ивановна Клековкина говорит:

— Когда я была маленькой, дядя Павел часто мастерил мне игрушки, разные коляски из фанеры, петушков. Он был крепыш, среди сверстников считался вожаком. В прежние годы работа крестьянская была трудная. А климат Вятской губернии, северный и ненадежный, не шибко баловал ее жителей. Вставали летом чуть свет. Поднимали и семилетних детей, которые в этом возрасте уже умели править лошадю в упряжке. В мою обязанность входило возить на поле навоз. Но дядя Павел почти каждое утро старался это сделать за меня, чтобы я могла дольше поспать. Он очень любил всех детей в нашей многочисленной семье. Только семья-то была необеспеченная, и дядя Павел вместе со своими старшими братьями ходил на поденщину к купцу Бессонову в село Вожгалы.

Прекрасно помню, как однажды нагрянули к нам с обыском и искали запрещенную литературу. Но дядя Павел хитро ее спрятал, и найти ничего не удалось. Из семьи никто не знал, от кого он ее получал, предполагали, что от местной учительницы, которая изредка навещала дядю Павла и приносила ему учебники. Он занимался самообразованием, но занимался ночами...

Первые месяцы военной службы Павел Хохряков провел в казарме 1-го Балтийского экипажа, расквартированного на острове Котлин, в Кронштадте. Кронштадт был в начале века тыловой базой, морской крепостью на подступах к столице Российской империи. Основные силы флота стояли в Гельсингфорсе.

В Кронштадте же находились учебные отряды, школы машинные, артиллерийские, минные и полки береговой обороны. На военных заводах и в портовых мастерских работало много вольнонаемных.

Низшие чины прозвали Кронштадт «матросским Сахалином». Им не разрешалось ходить по солнечным сторонам главных улиц. У входа в городской парк висела табличка с указанием, что сюда матросам, солдатам и собакам вход запрещен. Главный командир порта и кронштадтский генерал-губернатор Ф. Вирен считался одним из самых жестоких царских сатрапов. Ученик водолаза Н. Точеный с учебно-водолазного судна «Африка» впоследствии рассказывал:

— Бывало, прогуливается Вирен с женой, он не заметит матроса, а мадам зонтиком покажет, обратит внимание адмирала на очередную жертву. Подойдешь к адмиралу и с тоской думаешь: «Где взять силу, чтобы удержаться, вынести унижение?» Адмирал заставлял раздеваться на улице, проверяя, есть ли клеймо на обмундировании. Кругом собираются любопытные, скалят зубы, а ты снимаешь одежду, выворачиваешь фуражку, чтобы показать надписанную фамилию. Затем начинался экзамен по уставам. Недаром у нас родилась пословица: «В город идешь — становись во фронт виреновой

кобыле, его жене и Вирену, а вслед за ними остальной своре дураков...»

Под статью Вирену был и капитан 1-го ранга Повалишин, командир линейного корабля «Император Александр II», в команду которого Павла зачислили в январе 1915 года кочегаром.

В дни первой русской революции Повалишин служил старшим офицером на крейсере «Память Азова», и драконовский режим, установленный им, привел к восстанию. От разъяренных матросов Повалишина спас экстренный перевод на другой корабль.

Еще в казарме флотского экипажа Павел прошел всю «науку», которую боцманы и фельдфебели преподносили новобранцам с руганью, с зуботычинами. Порой в ход пускались медные цепочки от боцманских дудок. Продолжалась эта, с позволения сказать, наука и на «Алексаднре II». Повалишин чуть ли не ежедневно отдавал приказы в таком духе:

«Матроса первой статьи Ивана Белова за курение на улице арестовать на восемь суток усиленным арестом... Плотник Егор Пятаков за неотдание чести унтер-офицеру подвергается аресту на трое суток...»

Среди команды линкора заметно выделялся артиллерийский унтер-офицер первой статьи Иван Сладков. Всегда в поdogнанной форменке, с закрученными кверху черными усами, с блестящей на груди медалью «За усердие», он был образцом исполнительности и дисциплины. Начальство ставило его в пример другим. Но мало кто знал, что храбрый унтер-офицер, бывший строитель-каменщик, возглавлял на корабле подпольную организацию, самую крупную и самую активную во всем учебно-артиллерийском отряде, в состав которого входил и «Александр II». Одновременно Сладков был и в числе руководителей большевистского центра Балтийского флота — Главного судового коллектива РСДРП(б)...

Уже с конца прошлого века военно-морской флот России нуждался в высококвалифицированных специалистах. На сме-

ну парусным кораблям пришли новые, одетые броней, с разнообразными машинами, дальнобойными орудиями, электроустановками, сложными морскими приборами и инструментами. Для умелого обращения с этими механизмами на флот направлялись прежде всего призывники из рабочих. Так попал в военные моряки Иван Сладков.

К началу первой мировой войны весь характер службы на линкорах, крейсерах, миноносцах, подводных лодках, да и на любых вспомогательных судах, был таким же, как на заводе или фабрике, способствовал формированию пролетарского сознания у матросской массы. Адмиралы из Морского министерства это отлично знали. И, боясь довериться одним лишь рабочим,— а многие из них и до военной службы принимали участие в революционной борьбе,— посылали на флот (для службы в менее сложных отделениях кораблей) крестьян. Считалось, что их легче будет подавить жесткой дисциплиной и муштрой, что они не поддадутся традиционному чувству матросской солидарности.

Однако и в сельских местностях для флота отбирались наиболее грамотные и наиболее развитые призывники. Вот каким образом надел матросскую форму Павел Хохряков...

Кирилл Орлов (И. Егоров), представлявший в Главном судовом коллективе Петроградский комитет большевистской партии, в своих воспоминаниях писал:

«Организационная работа кипела и бурлила. Всюду — и на берегу в экипажах, и на судах, и в портах — уже готовились к последней схватке. Прежний одиночный шепот стал переходить в гул. К этому моменту партийный аппарат в городах Кронштадте, Гельсингфорсе, Або являлся уже довольно солидным...»¹

Ясно, что размах такой деятельности подпольных балтийских организаций не прошел мимо «недремлющего» ока жан-

¹ Орлов (Егоров) К. Жизнь рабочего-революционера. М. «Прибой», 1925, с. 27.

дармов. Генералу для особых поручений при Министерстве внутренних дел начальник Кронштадтского жандармского управления доносил, что «среди команды линейного корабля «Имп. Александр II» имеются гектографические прокламации Российской с.-д. рабочей партии».

Эти прокламации и познакомили Павла Хохрякова с Иваном Сладковым. Сладкову и его товарищам нравился любопытный сероглазый матрос. Сначала намеками, а затем уже и прямо раскрывали они ему глаза на сущность империалистической бойни, рассказывали о продажности царских министров и бездарности военных руководителей, о прибылях, получаемых капиталистами и помещиками, о тяжелом положении трудового народа, о людях, которые борются за его счастье, и их вожде Владимире Ильиче Ленине.

20 декабря матрос Баишев донес старшему офицеру «Александра II» Кольнеру, что унтер-офицер Сладков ведет с нижними чинами «недозволенные» беседы, читает им «краснобольные» листовки.

— Он, ваше высокоблагородие,— холоуiski предупреждал Баишев,— шибко хитро себя держит, никогда группы не соберет, а старается либо с одним, либо с парюю человекoв говорить...

За Сладковым установили двойную слежку: и со стороны Кронштадтского жандармского управления, и со стороны судовой агентуры, находившейся в распоряжении Повалишина...

Первого января 1916 года Павла Хохрякова произвели в кочегары первой статьи. Утром команде был зачитан новогодний приказ командира корабля, в нем говорилось и о Павле, точнее о его новом звании. Кое-кто из товарищей шуточно поздравлял Хохрякова с «повышением». Настроение же у Павла было подавленное: не стало Сладкова. Многие матросы, когда вблизи не оказывалось начальства, спрашивали:

— Что с Иваном?

— Арестован.

Сладков был схвачен 28 декабря при попытке доставить

антивоенные прокламации на линкор «Цесаревич». Вскоре по доносу того же Баишева жандармы арестовали еще нескольких человек из подпольной организации «Александра II». Прошли аресты и на других кораблях Балтийского флота. Только выявить всех «смутьянов» не удалось. Деятельность подпольщиков продолжалась, и в Министерство внутренних дел опять летели донесения Кронштадтского жандармского управления, где указывалось, что на «Александре II» «организация стремится к тому, чтобы насадить во флоте возможно большее число своих сторонников».

Руководителем подпольной группы вместе со своим товарищем Степановым стал на «Александре II» теперь Хохряков. Для многих новобранцев он был тем, кем недавно для него являлся Сладков. Унтер-офицерские лычки, которые Павел получил на погоны в сентябре 1916 года, его не прельщали. Служить царю кочегарный унтер-офицер второй статьи не хотел. Член РСДРП(б) с 1916 года Павел Хохряков выбрал себе иную жизненную дорогу, дорогу борьбы за освобождение трудового народа.

Арест Сладкова и многих активистов подпольной работы в Кронштадте, Гельсингфорсе и Ревеле не вызвал растерянности у большевиков Балтики. Большевистские организации на базах и кораблях продолжали действовать. Арестованных товарищей заменили другие. И чем дольше тянулась война, тем сильнее росли антивоенные настроения в армии и на флоте.

Прокламации Петроградского комитета РСДРП(б) распространялись в кронштадтском Сухопутном манеже, когда там проводились для нижних чинов душевспасительные беседы или давались квасные патриотические спектакли. Даже в Морском соборе во время заутреней и обеден появлялись нелегальные прокламации. Подбрасывали их и в казармы полков береговой обороны.

В царской России старшие воинские чины старались посеять вражду между нижними чинами армии и флота. Их на-

рочно натравливали друг на друга. В Кронштадте даже поощрялись кулачные бои: солдаты против матросов. Этим Вирен и его помощники надеялись отвлечь своих подчиненных от иных, более «опасных дел».

Но кронштадтские сухопутные части благодаря соприкосновению с морскими командами и экипажами, которые были более развиты и в революционном и в культурном отношении, отличались от других сухопутных частей. Их политическая зрелость была значительно выше.

В годы мировой войны кронштадтские солдаты все больше и больше попадали под влияние моряков. Их представители принимали активное участие в тайных собраниях. На этих собраниях приходилось бывать и Павлу Хохрякову.

Созывались они обычно в чайных и трактирах. Законы конспирации соблюдались строго и матросами и солдатами. Если же по какой-либо причине требовалось собрать народу побольше, то место встречи назначали где-нибудь на кладбище или в отдаленном глухом закутке.

Наиболее безопасным из всех кронштадтских трактиров считался «Зарайск». Его владелица вдова Степанида Андреева, крестьянка из Рязани, отводила «гостям» самую дальнюю комнату и моментально давала условный сигнал, если входил кто-либо из шпииков. Вдова их хорошо знала в лицо.

Уже после Февральской революции в «Известиях Кронштадтского Совета» от 20 июля 1917 года было опубликовано найденное письмо вице-адмирала Вирена к помощнику начальника Главного морского штаба контр-адмиралу графу Гейдену. Письмо это датировано 15 сентября 1916 года:

«Я не останавливаюсь перед крайними крутыми мерами, если потребуется, введу вместо розги плеть, вместо одиночного строгого заключения — голодный недельный арест, но, должен сознаться, опускаются руки. Вместе с этим письмом я послал пятое обширное донесение командующему Балтийским флотом, а выдержки из него — министру внутренних дел, положение принимает характер катастрофы. Вы, граф, играющий столь видную роль в Морском министерстве и в

кругу близких к государю лиц, обязаны знать всю правду... Поиски выяснили наличие сети сильной подпольной организации, арестовать ядро ее не удастся. Так всюду в Кронштадте. Мы судим уличенных, ссылаем, расстреливаем их, но это не достигает цели: 80 тысяч под суд не отдашь.

Мое глубокое убеждение в следующем: необходимо большинство сухопутных воинских частей немедленно разослать во все концы России, заменить их надежными войсками из старослужащих полков; технические команды сплошь раскасировать, задавить малейший протест суровыми дисциплинарными наказаниями. На корабли, упоминаемые мною в донесении главнокомандующему Балтийским флотом, перевести людей Сибирской и Беломорской флотилий.

Меры эти, конечно, временно принизят, с точки зрения теоретиков, боеспособность Кронштадта, зато они сохранят крепость для правительства. Написать об этом всем вам, граф, я считал долгом совести...»

Но, несмотря ни на какие преграды, крах старого мира приближался...

В конце февраля 1917 года была прервана телефонная и телеграфная связь общего пользования между Кронштадтом и столицей. Почтовым чиновникам запрещалось выдавать, а кронштадтским почтальонам разносить частную корреспонденцию. Прекратились увольнения солдат и матросов в Петроград. Закрылся выезд и въезд штатским лицам.

Но изолировать полностью от внешнего мира, от всей России Кронштадт не удалось. Вскоре и там узнали, что в Питере что-то происходит. Сначала довольно противоречивые сведения проникли на остров Котлин через моряков торгового транспорта, доставляющих сюда продукты из Ораниенбаума. Затем новости стали поступать от военных связистов, хотя Вирен посадил к телеграфу и телефону «особо надежных».

Делопроизводителем роты службы связи был матрос Владимир Зайцев, один из руководителей Кронштадтской

военной организации большевиков. У своих начальников он не вызывал никаких подозрений, даже давал уроки математики сыну командира роты. Без особых усилий Зайцеву удалось узнавать содержание всех секретных депеш, шедших на имя Вирена. Но в сложившейся ситуации этого было недостаточно. Требовалось встретиться с петроградскими большевиками.

Семья командира роты жила в столице. Утром 24 февраля Зайцев отправился в Петроград. Ему было выдано особое разрешение: беспорядки беспорядками, а уроки уроками. Кроме того, «репетитор» получил еще ряд срочных служебных поручений.

К вечеру, успев повидать членов партийного комитета Выборгского района, Зайцев вернулся в часть. Он привез указания: не отставать от Питера.

На конспиративном совещании руководящей группы Главного коллектива Кронштадтской военной организации РСДРП(б) было единогласно решено: поздним вечером 28 февраля 3-й пехотный полк пулеметной очередью дает сигнал к восстанию. Каждый из присутствующих на совещании получил свое особое задание. Павел Хохряков, например, должен был поднять артиллерийский полк.

Утром 28 февраля Кронштадт узнал, что отдельные полки столичного гарнизона, в том числе и гвардейские, переходят на сторону восставших рабочих. Особенно оживленно эти события обсуждались на паровом заводе. Дело дошло до того, что была прекращена вся работа, возник митинг, и выступавшие на нем ораторы потребовали «кончать войну и улучшить положение трудового народа».

Вскоре к заводу подкатил автомобиль Вирена, и окруженный телохранителями кронштадтский генерал-губернатор лично появился среди митингующих.

— Чего собрались? — загремел он. — Что вам надо?

Из толпы вышел слесарь Цыганков. Поддерживаемый

одобрительным гулом, он просто и спокойно изложил все претензии собравшихся.

— Бунтуете? — ехидно усмехнулся Вирен.— Ладно, ответ дам завтра на Якорной площади... А теперь... разойдись!..

Возвратившись к себе в штаб, Вирен начал готовиться к «ответу». Экстренно были вызваны комендант Кронштадта вице-адмирал Курош и другие высшие начальники крепости.

С их одобрения Вирен подписал приказ, которым запрещались любые митинги. Через полчаса приказ расклеили по всему городу. Кроме того, генерал-губернатор распорядился посадить на чердаки домов, окружавших Якорную площадь, городских с пулеметами. Офицеры должны были неотлучно находиться в своих частях и никого из нижних чинов никуда не отпускать.

Но Вирен опоздал, события его опередили. Развивались они с поразительной быстротой.

Ночью жители Кронштадта не спали, прислушивались к стрельбе, доносившейся из Ораниенбаума. В казармах и на кораблях велись возбужденные разговоры и споры, во многих подразделениях солдаты и матросы после вечерней проверки не стали петь традиционную молитву.

Около одиннадцати часов ночную темноту прорезали пулеметные очереди. Это 3-й пехотный полк дал условный сигнал. В ответ с кораблей раздались винтовочные выстрелы, и вскоре кронштадтские улицы начали заполняться солдатами и матросами береговых и судовых команд.

Павел Хохряков еще днем успел побывать в артиллерийском полку, и теперь два батальона этого полка в полном боевом снаряжении и с оркестром дружно присоединились к восставшим. Павел шел впереди оркестра. Со своего корабля он и еще одиннадцать матросов сумели в темноте незаметно от вооруженных офицеров, охранявших все трапы, спуститься через иллюминатор по тросу на мол...

— Части ходят по улицам с музыкой. Принять меры к успокоению с тем составом, который имеется в гарнизоне, не

нахожу возможным, так как не могу ручаться ни за одну часть,— в испуге доносил по прямому проводу морскому министру комендант крепости вице-адмирал Курош.

Участник Февральской революции в Кронштадте Н. Точеный вспоминал о тех часах:

«Волнующее зрелище представлял собой Кронштадт в ночь под 1 марта. Кругом горели огромные костры, отражаясь заревом на куполах церквей, окрашивая окна в разные цвета. Отовсюду слышались звуки музыки. Это шли колонны матросов к тюрьме — для освобождения политических, к казармам — чтобы привлечь на свою сторону солдат.

На Якорной площади — главной площади Кронштадта собрались тысячи рабочих паровозного завода, матросов и солдат. Вековая ненависть к классовым врагам проявлялась с неудержимой силой. Адмирал Вирен, его сподручные контр-адмирал Бутаков и генерал Стронский были уничтожены.

Первая революция 1905—1907 годов дала нам хороший урок. Мы знали, что либеральничать с врагами не следует. Матросы — направились к офицерскому училищу, окружили его, установили трехдюймовое орудие и заставили офицеров сдать. Упорно сопротивлялись полицейские участка на Козьем Болоте. Только после выстрела из пушки городовые подняли руки...»

Всю ночь продолжались митинги и на улицах, и на Якорной площади. Павел Хохряков старался успеть всюду. В шесть часов утра, услышав, что митингуют и в Морском манеже, Павел поспешил туда. Какова же была его радость, когда в ораторе, только что кончившем речь, он узнал Сладкова.

Павел быстро пробрался к помосту, с которого под бурные приветствия осторожно спускался Сладков:

— Иван?!

Сладков похудел, осунулся, лишь глаза, как и раньше, светились все так же приветливо и ярко...

Нескольких обвиняемых по «Делу Сладкова и других», в том числе и самого Сладкова, временное отделение Кронщ-

тадтского военно-морского суда в Петрограде приговорило к смертной казни. Но, испугавшись затем протеста рабочих столицы, вылившегося в массовую забастовку, заменило казнь семилетними каторжными работами.

8 ноября 1916 года закованных в кандалы Сладкова и его товарищей доставили в Центральную каторжную тюрьму, расположенную за Невской заставой. Тюрьма эта звалась «временной пересыльной», только ждать отправки из «временной» в Сибирь приходилось долгие месяцы. Славилась она и жестоким режимом: одиночные темные карцеры, масовые порки считались здесь самым обычным явлением.

Но, однако, вести с воли проникли и сюда. 25 февраля Сладков уже знал о событиях в Петрограде. А через три дня, утром, в тюремных коридорах вдруг установилась непривычная тишина: все надзиратели и конвоиры исчезли. Выломав решетки дверей и разбив кандалы, заключенные выбежали сначала на тюремный двор, где тоже никого не было, а затем мимо пустой будки часового на улицу.

Сладков, побывав в Петроградском комитете большевиков, в тот же день выехал в Кронштадт и успел попасть туда чуть ли не за час до начала восстания...

Все это Павел Хохряков узнал от него, когда они из Морского манежа шли на Якорную площадь. Сладков, с трудом передвигая ноги, опирался на плечо друга. Следы от кандалов давали себя чувствовать.

Появление Сладкова на Якорной площади было встречено восторженными криками. Одни его хорошо помнили, другие о нем много слышали. Тут же, на митинге, он попал в число трех представителей, избранных от Кронштадта в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов.

Днем приказом по учебно-артиллерийскому отряду Сладкову возвратили унтер-офицерское звание и вновь зачислили в команду «Александра II». Правда, вскоре это старое имя корабля заменили новым — «Заря свободы». Был выбран и судовой комитет, который вместо ненавистного реакционера капитана 1-го ранга Повалишина назначил командиром близ-

кого к матросам лейтенанта А. А. Кондратьева. Повалишина же по приговору революционного суда расстреляли...

Секретарю судебного комитета «Зари свободы» Павлу Хохрякову часто приходилось бывать в Кронштадтском Совете рабочих и солдатских депутатов¹. Там обратили внимание на молодого матроса, который в спорах с представителями соглашательских партий всегда активно защищал позицию большевиков. Ему стали поручать выступления на митингах. Вскоре Хохряков стал одним из популярных большевистских ораторов.

Чтобы лучше ориентироваться в политической обстановке, он начал посещать вечерами редакцию большевистской газеты «Голос правды». Газета эта печаталась с 15 марта в типографии бывшего «Кронштадтского вестника». Для членов судовых комитетов в помещении ее редакции устраивались специальные лекции по основам марксизма, по истории революционного движения, по текущим вопросам.

С чтением лекций выступали специально приезжавшие из Петрограда такие видные деятели большевистской партии, как А. Луначарский, А. Коллонтай, Л. Сталь и многие другие.

Иногда лекции переносились на Якорную площадь и перерастали там в диспуты.

В 1917 году Кронштадт превратился в одну из главных цитаделей революции. Кронштадтские матросы в подавляющем большинстве поддерживали ленинцев. Но среди солдат береговой обороны и рабочих казенных заводов на первых порах еще чувствовалось влияние эсеров и меньшевиков. Это объяснялось тем, что большевистские подпольные организации в сухопутных частях, на пароходном заводе и в судоре-

¹ В самые первые дни после свержения самодержавия в Кронштадте было два Совета: Совет рабочих депутатов и Совет военных депутатов.

монтных мастерских были разгромлены. На флоте же они, как известно, несмотря на аресты многих руководителей, сохранились. Кроме того, революционно настроенных солдат зачисляли в маршевые роты; попадали в эти роты и «неугодные» начальству кронштадтские мастеровые. А «неблагонадежных» матросов, списанных с других балтийских морских баз, наоборот, отсылали в Кронштадт. Считалось, что они тут «исправятся».

В начале марта был избран комитет, утвержденный ЦК партии. В его состав в числе других вошли матросы Т. Ульяновцев, И. Сладков, В. Зайцев, С. Пелихов, Н. Пожаров, солдаты С. Гредюшко, Е. Зинченко, а также посланные в Кронштадт представители ЦК С. Рошаль и И. Смигла. Павла Хохрякова вскоре назначили разъездным агитатором комитета.

Кронштадтские большевики сразу повели решительную борьбу против антинародной политики Временного правительства, против соглашательских действий меньшевиков и эсеров. Благодаря такой энергичной агитационной работе основная масса гарнизона и рабочих шла весной 1917 года за большевиками. Выдвинутый В. И. Лениным в Апрельских тезисах лозунг «Вся власть Советам!» был в Кронштадте в те времена самым популярным.

Малочисленная буржуазия города-крепости (домовладельцы, хозяева трактиров и чайных, лавочники, купцы второй и третьей гильдии) и в прежние годы не играла здесь никакой роли. Теперь же она почти совсем исчезла с политической арены Кронштадта. Зато эсеры и меньшевики всеми силами старались помешать росту революционного сознания матросов, солдат и рабочих. Пытаясь прибрать крепость к рукам, Временное правительство и руководящие органы соглашательских партий часто направляли туда своих представителей.

Приезжали в Кронштадт и Керенский, и видные деятели меньшевистской партии Скобелев и Церетели, и командующий Петроградским военным округом генерал ~~Корнилов~~ и

«бабушка русской революции» эсерка Брешко-Брешковская, вещавшая, что «если мы перестанем воевать, то прощай, наша свобода, прощай, великое будущее». Однако кронштадтцы продолжали следовать за большевиками. «Революционные» фразы гостей на них действовали плохо.

Побывала в Кронштадте и Мария Спиридонова, лидер левых эсеров, возглавившая потом, в июле 1918 года, антисоветский мятеж в Москве. Как и остальные «знатные» гости, она ораторствовала на Якорной площади. Но ее громкое восхваление своей партии, якобы имеющей особые заслуги перед русским крестьянством, а также призывы к смирению перед Временным правительством успеха не имели.

В дискуссию со Спиридоновой вступил Павел Хохряков. Он камня на камне не оставил от мнимых эсеровских заслуг, высмеял их кулацкое нутро и все несбыточные обещания о наделении крестьян землей. Когда же встал вопрос о Временном правительстве, Павел под одобрительные аплодисменты собравшихся на Якорной площади заявил, что верховной военной и гражданской властью в Кронштадте считаются избранные народом депутаты и что никакого вмешательства в свои дела Кронштадтский Совет не допустит.

Растерянная Спиридонова не сумела возразить Хохрякову и покинула трибуну.

В один из апрельских дней к военному министру Временного правительства Гучкову явилась делегация кронштадтских моряков. Адьютант министра отмахнулся: Гучков принять делегатов не может.

— Как не может?

На шум вышел сам Гучков. Адьютант объяснил министру, что кронштадтцы едут на фронт и просят пропуск. Но Гучков категорически отказался его выдать. Тогда вперед шагнул белокурый матрос и твердым голосом сказал:

— Мы — делегация, уполномоченная Кронштадтским Советом и кронштадтскими демократическими организациями.

Если вы не дадите нам пропуск, то мы вернемся в Кронштадт и завтра же расскажем обо всем в газетах...

Это был Павел Хохряков. Пропуск министр выдал. На Варшавском вокзале моряки погрузили в вагон закупленные для фронта подарки и агитационную литературу, которая по распоряжению Петроградского комитета большевиков была получена от издательства «Прибой». Через полчаса поезд тронулся...

В течение марта Кронштадт часто посещали фронтовые делегации. Солдаты-фронтовики не скрывали, что многие их выборные комитеты, начиная с ротного и кончая полковым, не имеют никакой силы. Офицеры считают ниже своего достоинства выполнять комитетские постановления, соглашатели же поддерживают офицерский состав и призывают воевать до полного разгрома Германии. После приезда очередной такой делегации (31 марта 1917 г.) и после выступления ее представителей на Якорной площади Кронштадтский Совет принял решение: послать на фронт свою, ответную делегацию. Руководителем назначили Павла Хохрякова.

Первая остановка была в Риге, где находились штабные учреждения и запасные полки 12-й армии. Исполнительным комитетом солдатских депутатов армии, или, как его сокращенно называли, искосол, заправляли меньшевики и эсеры. Правда, их никто в комитет не выбирал, попали они в него по распоряжению командования.

Приезд кронштадтцев для искосола был нежелательным. В Риге открывался солдатский съезд 12-й армии, на котором меньшевики и эсеры надеялись протащить свои лозунги. А тут как снег на голову делегация из Кронштадта! Что делать?

Съезд проходил в здании театра; кронштадтцев, чтобы они «не мешали», усадили на галерку. Только гости оказались хитрее. В партер, в ложи, где находились солдаты, полетели записки, и скоро весь зрительный зал узнал о приезде делегации. Раздались голоса:

— Кронштадтских матросов в президиум, на сцену!

— Почему моряки не на почетных местах?

— Просим моряков спуститься...

И вот Хохряков и его помощник Гредюшко — в президиуме. Оба тут же выступили с речами, направленными против Временного правительства.

— Лишь большевики-ленинцы борются за интересы рабочих, крестьян, солдат и матросов,— говорил Хохряков.— Да здравствуют большевики! Да здравствует Ленин!

Хотя Гучков выдал пропуск кронштадтской делегации только в 12-ю армию, Павел, посоветовавшись с товарищами, решил охватить агитационной поездкой весь Рижско-Двинский фронт. Несколько человек были оставлены в Риге для участия в продолжавшемся солдатском съезде, а остальные, разбившись на группы, отправились в 1, 5 и 7-ю армии.

Двадцать четыре дня пробыли они на передовых позициях. Сохранились такие записи одного из членов делегации матроса А. Попова:

«Восторг масс и их благодарность приехавшей пропгруппе... не знали пределов... Неоднократно по километру пропгрупповцев... несли на руках с митинга на митинг. Прощальные речи произносились со ступени вагона узкоколейки. Уехали лишь тогда, когда сотни людей, выстояв в длинной очереди, испытали удовольствие обнять и поцеловать каждого из пропгрупповцев. Странную, незабываемую картину представляло это прощание...»

Возвратившись в Кронштадт, руководители групп доложили о результатах поездки на заседании Совета, а Павел Хохряков выступил 7 (20) мая со статьей на страницах большевистской газеты «Голос правды». Статья называлась «Поездка на фронт кронштадтской делегации».

«Целью нашей поездки,— писал Хохряков,— было взаимное осведомление о положении дел, агитация среди солдат и содействие их организации... Что же мы увидели, когда приехали на позицию? Товарищи солдаты знают, что нет царя, но есть Временное правительство, на которое нужно чуть ли не молиться, и есть Советы рабочих и солдатских депутатов,

которые необходимо удалить, так как они мешают работать Временному правительству. Так говорили наши командиры. Правда, были и такие офицеры, которые пошли навстречу солдатам, но много еще темных сил, которые, кроме вреда, ничего не приносят. Многие из офицеров не могут себе представить, что нельзя солдат бить по морде и сечь розгами. Они высказывают желание воевать до последнего человека и вполне поддерживают интерес тех хищников, которые чужую кровь превращают в чистое золото.

Но товарищи солдаты говорят иначе: их лозунг — долой войну, они, усталые, измученные, босые, голодные, более двух лет гниющие в болотах, — все они, как один человек, хотят скорейшего мира...

Общий лозунг солдат и матросов и всего рабочего класса: долой войну! Товарищи солдаты с позиций поручили нам спросить у крикунов, которые орут о войне до победного конца, какую награду получают те, которые страдают в настоящее время, какую награду получают те родители, у которых убили любимого сына, та жена, у которой убили любимого мужа, та сестра, у которой убили любимого брата, и те дети, у которых убили отца.

Скажите, есть ли такая награда, которая бы заменила им тех горячо любимых людей?

Так не кричите же, наглые буржуи, о войне до конца, о войне до победы».

Поездка на фронт моряков во главе с Хохряковым сыграла не последнюю роль в большевизации солдат 1, 5, 7 и 12-й армий.

16 мая 1917 года Кронштадтский Совет постановил, что отныне вся власть в городе-крепости переходит в его руки, то есть он становится не только фактически, но и юридически хозяином острова Котлин.

Буржуазные и соглашательские газеты не замедлили выступить с клеветой на Кронштадт. Они писали, что Кронштадт якобы решил «отделиться от всей России и создать

самостоятельную республику». Конечно, мало кто верил этим небывицам. Однако врагам революции удалось увлечь за собой отдельные части Ревельского (Таллинского) гарнизона. Кронштадтский комитет РСДРП(б) — он помещался на бывшей даче адмирала Бутакова — направил туда в конце мая моряков-пропагандистов, которых возглавил Хохряков.

Старшему слесарю на плавучей мастерской «Кама» А. Воробьеву хорошо запомнились дни пребывания кронштадтской делегации в Ревеле. В своих воспоминаниях он писал:

«Не полагаясь только на средства убеждения, контрреволюция стала преследовать и арестовывать матросов, поддерживавших большевиков. Временно контрреволюции вкупе с меньшевиками и эсерами удалось одержать верх: на некоторых кораблях Ревельской базы и в частях гарнизона солдаты и матросы проголосовали за резолюции, осуждавшие действия революционного Кронштадта. Но очень скоро в построениях солдат и матросов наступил перелом.

Это произошло после того, как к нам приехала делегация от моряков этого, самого страшного для контрреволюции Кронштадта, которым офицеры, эсеры и меньшевики запугивали неискушенных в политике людей. Возглавлял делегацию один из самых лучших агитаторов кронштадтских большевиков Павел Хохряков. На кораблях и в частях с нетерпением ждали выступления делегатов. Помню выступление Хохрякова во флотском экипаже. Он просто и понятно рассказал матросам о сути конфликта революционного Кронштадта с Временным правительством, убедительно растолковал контрреволюционную политику этого правительства...»

Перед отъездом в Кронштадт Хохряков на заседании Ревельского комитета РСДРП(б) доложил о той работе, которую он проделал вместе со своими товарищами. Вскоре на собрании военной организации при этом комитете почти единогласно было принято постановление. В нем говорилось:

«Приветствуем товарищей кронштадтцев как передовых бойцов революционной России в лице их представителя товарища Хохрякова» («Утро правды», 1917, 27 мая (9 июня).

Не удалось врагам изолировать Кронштадт от других частей Балтийского флота.

После Февральской революции большевики в своей агитационной работе среди крестьян использовали и так называемые землячества. Существовали землячества и в Кронштадте. Правда, созданы они были по инициативе эсеров-интернационалистов, но с первых же дней своей деятельности оказались под влиянием большевиков. Почти все губернии России имели в Кронштадте землячества.

В мае представители кронштадтских земляществ создали местный Совет крестьянских депутатов, однако власти на самом острове Котлин он никакой не имел. Занимался новый Совет делами крестьянской провинции, помогал ей разобраться в текущем моменте, в антинародной политике Временного правительства, в земельном вопросе, в ленинском лозунге о переходе власти к Советам. Для этих целей в уезды той или иной губернии посылались из земляществ матросы-агитаторы.

После Ревеля в роли такого агитатора пришлось быть и Хохрякову. В судебном комитете «Зари свободы» давно уже лежала выписка из протокола собрания Вятского землячества в Кронштадте.

«Союз вятских крестьян,— указывалось в ней,— на общем собрании 11 мая сего года избрал товарища Павла Хохрякова в Вятский исполнительный комитет в качестве члена с решающим голосом, а поэтому просим судебной комитет линейного корабля «Заря свободы» уволить нами избранного на 30 дней... и просим просьбу нашу удовлетворить, так как выбор наш пал на достойного, и поэтому перевыборы для нас нежелательны...»

И вот Хохряков на родине. В Вятке он зашел в губернский комитет Всероссийского крестьянского союза. Но «крестьяне», которые там оказались, выглядели странно: несколько офицеров, рыжебородый поп, господа в черных сюртуках.

— Сын мой,— сокрушенно заявил священнослужитель, ознакомившись в документами Хохрякова,— Кронштадт-то в настоящее время отделился от великого государства Российского, республику самостоятельную образовал, против бога пошел, поэтому бумаги твои для нас не закон.

— А много ли, господин матрос, в Кронштадте войска? — полюбопытствовал пожилой офицер, сидевший рядом с попом.

— Хватит! — отрезал Павел.

Прибытие в город агитатора-большевика из Кронштадта не на шутку встревожило местные власти. Вятский губернский исполнительный комитет, в котором было засилие меньшевиков и эсеров, даже созвал срочное заседание. Протокол того заседания был опубликован 7 июня в «Вятских известиях Временного правительства»:

«Слушали: заявление товарища председателя В. Н. Попова о предъявленных ему двух удостоверениях Союза крестьянских депутатов Вятской губернии в г. Кронштадте, выданных агитатору Павлу Даниловичу Хохрякову в том, что вышепоименованный Хохряков послан в свою губернию для присутствия с правом решающего голоса в уездных, волостных и сельских комитетах, а также выступать на митингах и созывать митинги по своему усмотрению в любом месте; кроме того, пользуется бесплатным проездом по всем железным дорогам и пароходам. Все учреждения и лица должны оказывать ему полное содействие...»

Постановили: а) документы, выданные Советом крестьян в Кронштадте, задержать как носящие дезорганизующий характер; б) вопрос о выяснении отношения к Хохрякову со стороны организаций в предоставлении ему деятельности в губернии оставить открытым впредь до обсуждения этого вопроса в Совете рабочих и крестьянских депутатов; в) всякая агитация в губернии, ведущаяся представителями военных и рабочих организаций, должна вестись с ведома местного Совета рабочих и солдатских депутатов».

Но запугать Хохрякова было трудно. И в течение месяца вятским эсерам и меньшевикам пришлось слушать на митин-

гах его «крамольные» речи. Никакие запретные меры не действовали, и соглашателям оставалось лишь в бессильной злобе клеветать на Кронштадт, «рассадник большевистской заразы».

В вятское отделение комитета Союза раненых и больных воинов фронта и инвалидов поступило заявление младшего унтер-офицера Петрова. Петров жаловался, что его чуть не избили на солдатском митинге около технического училища. Жалобщик выступил на том митинге с призывом: «Война до победного конца!» Однако ему долго говорить не дали и, стащив с импровизированной трибуны, под усиленным конвоем повели в лазарет. В лазарете было установлено, что унтер-офицер не какой-то переодетый буржуй, а действительно тот самый человек, за которого себя выдает, то есть раненый фронтовик. Постыдив незадачливого оратора, солдаты ушли.

К своему заявлению обиженный унтер приложил сделанную им во время митинга подробную запись речи кронштадтского матроса. Эта речь и побудила его выступить с контрлозунгом.

В 1967 году документы Петрова были найдены в Государственном архиве Кировской области в фонде вятского комиссара Временного правительства. И оказалось, что матросом, чью речь запротоколировал Петров, был Павел Хохряков, только что приехавший в Вятку. Ее запись свидетельствует о сильном впечатлении, какое она неволью произвела на унтер-офицера:

«Товарищи, я слышу, говорят, что Кронштадт объявил себя независимым. Товарищи, это ложь. Я матрос города Кронштадта и уверяю, что у нас такого не было. Чем же вызваны эти слухи в буржуазных газетках? Мы потребовали удаления комиссара, который назначен к нам министром-председателем Львовым. Комиссар, как ставленник административный, а не выбранный, показался нам не нужным. Хотя он и социалист, но никакой деятельности не проявил...

...Товарищи, я сам Вятской губернии и приехал сюда как делегат в крестьянский Союз и вижу, здесь относятся к Временному правительству с доверием. Товарищи! Кто это правительство выбирал, мы не знаем, и как мы можем доверять людям, самовольно захватившим власть в свои руки, власть всего народа. Товарищи, а как это правительство захватило власть? Когда голодный народ города Петрограда стал собираться толпами и требовать хлеба, наши теперешние правители не хотели этого, и из них никто не вышел и не протянул руки голодному народу, а когда присоединился к народу Волынский полк и целиком направился к Таврическому дворцу и окружил его, к ним вышел Керенский и распорядился, чтобы поставить караул, и приказал, чтобы никого из дворца не выпускать. Тогда, видя безвыходное положение, наше буржуазное правительство и Родзянко начинают телеграфировать во все концы, что власть в руках Временного правительства. И это-то правительство начало нами распоряжаться: сначала в малой форме, потом стало пригонять к присяге, которую Кронштадт признал нежелательной и неправильной...

Дальше правительство почувствовало прочную власть в своих руках, а мы решили, что оно идет на разрыв с нами в интересах буржуазии и капиталистов.

Товарищи! Как же мы можем доверять такому правительству?.. Поэтому-то мы должны передать всю власть в руки самого народа, а пока народ не в сборе, то управлять страной должен СР и СД Петрограда¹. Товарищи, вам говорят, что на фронте нет солдат и что в ротах находится пятьдесят-шестьдесят человек. Неправда, я лично знаю фронт от Риги до Двинска, там полки находятся в полном составе...»

Так Хохряков и другие кронштадтские матросы-агитаторы разъясняли политику Временного правительства и смело развешивали работу по большевизации провинции.

¹ Совет рабочих и солдатских депутатов.

Побывал Павел и в родной деревне. Его племянница А. И. Клековкина, вспоминая о тех днях, говорит:

— Тогда мне исполнилось четырнадцать лет, я училась в школе. Дядя Павел долго беседовал с членами нашей семьи и просил, чтобы мою учебу не прерывали, доказывал, что без учебы в жизни очень трудно. Вот ему сейчас приходится выполнять партийные задания, а недостаток образования дает себя знать...

«Своеобразие текущего момента в России,— писал В. И. Ленин в Апрельских тезисах,— состоит в переходе от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата,— ко второму ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства».

Однако этот переход от буржуазно-демократической революции к социалистической не требовал немедленного выступления против Временного правительства. Россия стала пользоваться после Февраля почти полной политической свободой, правительство не могло применять вооруженное насилие против трудящихся масс, ибо сила была на стороне народа. Но меньшевики и эсеры, имевшие большинство в Советах, не верили в революционные творческие силы пролетариата и считали, что перерастание революции в социалистическую губительно отразится на «демократических свободах».

Лозунг «Вся власть Советам!», выдвинутый В. И. Лениным на первом этапе революции, означал, что члены большевистской партии в Советах будут критиковать и меньшевиков, и эсеров, и Временное правительство, а также требовать, чтобы это правительство решило все основные вопросы начавшейся революции. Но меньшевики и эсеры, входящие в правительство, сделать ничего не смогут. Народные массы, убедившись в их предательской роли, под влиянием агитационной работы большевиков изживут иллюзии в отношении соглашателей. Власть мирным путем будет передана большевистской партии, ибо только она одна сможет покончить с

империалистической войной, добиться земли, хлеба и подлинной свободы для трудящихся, и Советы станут единственными и полновластными хозяевами в государстве. Таким образом, революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства перейдет в социалистическую диктатуру пролетариата.

Неудачное наступление русских войск на Юго-Западном фронте послужило поводом для демонстрации, состоявшейся в Петрограде 4 (17) июля. Наступление было начато по приказу Временного правительства...

За день до демонстрации в кронштадтском Сухопутном манеже кто-то из анархистов читал лекцию «Жил ли Христос на земле?». Но в самом ее начале неизвестный солдат с эмблемами пулеметчика забрался на помост, бесцеремонно отстранил лектора и начал возбужденно кричать, что в Питере льется кровь революционных рабочих, рабочие вышли на улицы столицы для свержения Временного правительства, а кронштадтцы в это время слушают дурацкие басни.

Все, кто находился в манеже, тут же сорвались с мест и с возгласами: «К оружию! В Петроград!» — кинулись к зданию комитета РСДРП(б).

ЦК большевистской партии решил вмешаться в стихийное движение петроградцев и придать ему организованный мирный характер. Правда, еще день назад в ЦК считалось нецелесообразным выступать в той накаленной обстановке. Буржуазия и соглашатели, воспользовавшись моментом, могли взвалить вину на большевиков за провал июньского наступления и помочь силам контрреволюции начать белый террор...

Ранним утром 4 июля матросы и солдаты Кронштадта в парадной форме, с оружием поднимались по трапам на пароходы и баржи, взятые на буксир катерами. Духовые оркестры играли торжественные марши. Почти все воинские части были с красными знаменами и лозунгами: «Долой Временное правительство!», «Долой войну!», «Вся власть Советам!».

Когда пароходы, катера и баржи вошли в Морской канал,

а затем в Неву, жители Петрограда радостно приветствовали гостей. Учебно-артиллерийский отряд, в рядах которого находился Павел Хохряков, пришвартовался к Английской набережной.

— Смирно! На плечо! Прямо, шагом марш! —скомандовал член Кронштадтского комитета РСДРП(б) Д. Кондаков.

Колонна под звуки оркестра стройными рядами двинулась через Николаевский мост навстречу другим кронштадтцам, сошедшим на Васильевском острове...

По Каменноостровскому проспекту шагали уже сводной колонной. А она все росла и росла: к ней присоединялись и петроградцы.

Центральный комитет РСДРП(б) вскоре после Февральской революции разместился в особняке балерины Кшесинской. Здесь по заранее разработанному плану сейчас намечалась первая остановка.

Едва демонстранты стали заполнять мостовую перед особняком, на балконе появились Я. М. Свердлов и А. В. Луначарский. Они тепло приветствовали революционных кронштадтцев. В ответ раздались дружные возгласы:

- Ленина!.. Ленина!..
- Просим товарища Ленина!..
- Ленина!..

В тот июльский день Владимир Ильич был нездоров, но, узнав, что его просят выступить моряки и солдаты Кронштадта, тут же вышел на балкон. Лишь только он появился, вспыхнула восторженная оvation. Вместе со всеми приветствовал вождя революции и Павел Хохряков.

Из рядов демонстрантов неслись слова:

- Да здравствует товарищ Ленин!
- Да здравствует большевистская партия!

Ленина Павел видел впервые, впервые слышал его голос. Когда в Вятке Павла спрашивали, встречался ли он с Лениным, Павел смущенно отвечал:

- Владимир Ильич к нам в Кронштадт не приезжал... Учебно-артиллерийский отряд стоял почти напротив бал-

кона, с которого выступал Ленин. Речь вождя была предельно краткой. Он извинился, что болен, что говорить долго не сможет.

Начал свое выступление Владимир Ильич с приветствия кронштадцам от имени рабочих столицы. Затем, остановившись на текущем политическом моменте, выразил полную уверенность, что лозунг «Вся власть Советам!» обязательно победит. Участников же демонстрации он призывал к выдержке, стойкости и бдительности.

Павел слушал затаив дыхание, ему казалось, что Ленин беседует лично с ним, как бы делится своими самыми сокровенными мыслями. Но, наверно, так думалось и остальным демонстрантам.

Ленину аплодировали долго, пока он не ушел с балкона. Лишь после этого раздался чей-то бас:

— А ну, кронштадтцы, становись!

Оркестры грянули «Интернационал», и колонна направилась к Троицкому мосту. Следующая остановка предполагалась у Таврического дворца. Там в ту пору находился Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет. После речи Ленина настроение у всех было праздничное.

Неожиданно на Литейном проспекте с крыш двух пятиэтажных домов застрочили пулеметы. Демонстранты с испуганными и недоумевающими криками кинулись на тротуары. Почему стрельба? Ведь шествие-то мирное?

Кондаков и его помощники быстро сообразили, что пулеметы не простреливают всю улицу, и стали настаивать на продолжении демонстрации. Нашлись храбрецы, сумевшие пробраться на чердаки. Пулеметы вместе с пулеметными лентами полетели вниз.

Чеканя шаг, колонна двинулась дальше. Но на Пантелеймоновской ее снова встретила пулеметная очередь. Теперь пулеметчики били уже почти вдоль улицы. Неподдалеку от Хохрякова упал раненый солдат, затем схватились за окровавленные головы два матроса, Павел рванул с плеча винтовку...

Кронштадтцы без команды дружно открыли огонь по чердачным и слуховым окнам, где засели враги. Пулеметы скоро замолчали. Оркестры заиграли походный марш, и колонна, вдоль которой из предосторожности теперь была образована цепь охранения, направилась к Таврическому дворцу.

Там, в саду, по экстренному решению Центрального Комитета большевистской партии демонстрация и закончилась митингом. Почти все кронштадтцы с оружием в руках возвратились в тот же день в свой город. Лишь двести матросов остались в Петрограде для охраны особняка Кшесинской.

Большевики сумели придать июльской демонстрации мирный и организованный характер. Но по вине контрреволюционеров мостовые столицы в тот день оросились кровью.

«Действовать со всей решительностью!» — был приказ Керенского командующему военным округом генералу Половцеву, переданный из ставки.

Утром 5 июля юнкера разгромили редакцию газеты «Правда». А в Петроград спешили преданные Временному правительству воинские подразделения.

Объявив себя «правительством спасения революции», Временное правительство издало приказ об аресте Ленина. Керенский официально заявлял, что «беспорядки в столице организованы при участии германских агентов».

«Движение 3 и 4-го июля было последней попыткой путем манифестации побудить Советы взять власть, — разъяснял В. И. Ленин текущую политическую обстановку. — С этого момента Советы, т. е. господствующие в них эсеры и меньшевики, фактически передают власть контрреволюции... Теперь мирное развитие революции в России уже невозможно, и вопрос историей поставлен так: либо полная победа контрреволюции, либо новая революция»¹.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 29.

Керенский и его сподручные всеми силами старались в те дни оправдать надежды буржуазии. Разоружались отряды Красной гвардии, было издано постановление о расформировании воинских частей, участвовавших в июльской демонстрации, на фронте восстанавливалась смертная казнь.

С каждым днем Временное правительство усиливало атаки и на Кронштадт. Даже была предпринята попытка вывести в другие города революционно настроенные полки и разоружить форты. Но кронштадтские большевики держали тесную связь с Центральным Комитетом партии и успешно отражали вражеские наскоки.

14 июля в Кронштадт пришла шифрованная телеграмма из Морского министерства. В ней сообщалось, что, по сведениям прокурора Петроградской судебной палаты, В. И. Ленин и председатель Кронштадтского большевистского комитета Семен Рошаль находятся на линейном корабле «Заря свободы».

«Ленин должен быть арестован и доставлен в Петроград. Рошаль подлежит аресту согласно приказу минмора и также должен быть доставлен в штаб округа», — указывалось в телеграмме.

Рано утром 15 июля Павел Хохряков, после того как горнисты сыграли побудку, услышал еще и сигнал «отражения атаки аэропланов». И побудка-то была неожиданно спешная, и, кроме того, боевой сигнал! А в небе все спокойно!

Не понимая, в чем дело, Павел вместе с другими матросами выбежал на верхнюю палубу. Оказалось, что приказ горнистам дал новый комендант крепости капитан 1-го ранга Тырков, прибывший на «Зарю свободы» в сопровождении начальника морских частей Кронштадта старшего лейтенанта П. Ломанова.

В городе новый комендант обосновался с личной охраной, отрядом петроградских самокатчиков. На очередном заседании Совета представители этого отряда потребовали замены выборных коменданта и комиссара, предложив на пост коменданта Тыркова. Прежний комендант в городе популярностью

не пользовался, поэтому члены Совета, посоветовавшись, решили кандидатуру Тыркова утвердить. Но второе требование было ими дружно отвергнуто. Самокатчикам сказали, что «Кронштадт от своих прав выбирать комиссара не откажется». Когда же незваные гости начали угрожать и потрясать оружием, им вежливо намекнули: вряд ли двести человек сумеют подчинить себе многотысячный гарнизон острова Котлин. Уразумев эту истину, личная охрана Тыркова мигом убралась обратно в Петроград...

И вот теперь новый комендант, брошенный своими телохранителями, расхаживал перед строем команды «Зари свободы» и кричал:

— Ленин и Рошаль — здесь, на линкоре!.. Неужели вы не понимаете, что они шпионы Вильгельма?.. Временное правительство требует их немедленного ареста... Найдите преступников!

Тырков даже не представился матросам, не сказал, кто он такой, поэтому все сначала недоуменно переглядывались, а когда «поняли», что на их корабле надо искать Ленина и Рошала, решили подшутить над гостем и кинулись исполнять приказание. Хотя все прекрасно знали, что на «Заре свободы» ни того, ни другого нет.

Вскоре команда снова выстроилась на верхней палубе, и председатель судового комитета унтер-офицер Иван Загвоздкин, иронически отдав честь, доложил незнакомому начальнику:

— Посторонних не обнаружено!

Тырков зло посмотрел на Загвоздкина и разразился руганью по адресу Ленина и Рошала. Этого матросы вытерпеть уже не могли. Кто-то предложил выбросить ругателя за борт, и лишь вмешательство членов судового комитета спасло Тыркова. Он пригрозил, что Временное правительство строго покарает сторонников Ленина, и убрался восвояси.

Команда «Зари свободы» долго еще обсуждала этот случай, и Павел Хохряков слышал, как многие матросы говорили:

— Если бы Владимир Ильич скрывался на нашем корабле, никакие силы не заставили бы нас его выдать!

— «Никакие»! — повторял про себя Павел.

А Тырков, придя в комендатуру, тут же отправил депешу помощнику морского министра:

«Ввиду получения сведений о пребывании на «Заре свободы» Ленина и Рошала сегодня в 5 ч. 50 мин. утра совместно со старшим лейтенантом Ломановым прибыл на «Свободу», приказал вызвать горниста наверх... После тревоги команда собралась... Предложил команде сделать тщательный обыск, который команда произвела и доложила, что «никого чужого не нашла».

Больше сторонники Временного правительства В. И. Ленина в Кронштадте не искали. Видимо, решили: на остальных кораблях он скрываться не будет. Не случайно американский коммунист Джон Рид в своей книге «Десять дней, которые потрясли мир», замечал:

«Аврора» и «Заря свободы» — названия самых известных большевистских крейсеров Балтийского флота...»¹

На другой день после посещения «Зари свободы» Тырков собрал в Морском манеже для строевого смотра команды морских частей. На этот смотр попал и Павел Хохряков.

Начальником всех морских частей Кронштадта был избран старший лейтенант Ломанов. Он пользовался любовью и авторитетом среди матросов. Тырков же, помня, что Ломанов видел его вчерашний позор, задумал сегодня на нем отыграться.

Когда старший лейтенант, скомандовав «Смирно!», подошел к нему с рапортом, комендант, прервав рапорт, заорал: — Какой ты к черту офицер! Не знаешь, где положено встречать высших по чину?.. Как держишь палаш?

Возмущенные матросы вступились за Ломанова, но Тырков, не обращая внимания на протесты, продолжал в том же тоне:

¹ «Аврора» летом 1917 г. ремонтировалась в Петрограде.

— Я — новый комендант! Я наведу в Кронштадте порядки, искренно большевистский дух!

В ответ раздался дружный свист... И побелевший Тырков начал пятиться к запасным дверям. На пороге он за что-то зацепился и разорвал рукав кителя.

Однако на завтра незадачливый комендант не успокоился и повторно вызвал команды морских частей. В помощь ему на этот раз Временное правительство командировало своего представителя Лебедева. Про Лебедева Павлу Хохрякову было известно, что, выступая недавно на одном из митингов в Гельсингфорсе, он обозвал кронштадтцев «бандой». О «банде» прекрасно знали и остальные матросы Кронштадта. И только Лебедев взобрался на трибуну Морского манежа, как послышались негодующие голоса:

— Долой! Долой!

— Убирайся отсюда!

— Кто «банда»? Мы?

Сообразив, что дело может кончиться плачевно, Лебедев и Тырков не стали вступать в дискуссию и под улюлюканье покинули манеж. Вечером оба они отплыли в Петроград. Больше Тырков в Кронштадте не появлялся: город-крепость оказался для него крепким орешком...

Таким образом, попытки Временного правительства заставить кронштадтцев склонить головы, а попыток делалось много, успеха не имели.

Изменившаяся после июльских событий обстановка в стране потребовала от большевиков новой тактики, новых лозунгов для борьбы за дальнейшее развитие революции.

VI съезд партии, проходивший в нелегальных условиях в Петрограде, призвал пролетариат в союзе с деревенской и городской беднотой готовиться к вооруженному восстанию. Правда, на съезде не говорилось о немедленной организации восстания. Речь шла о том, что лишь при условии нового мощного политического подъема возможно будет осуществить свержение правительства Керенского. На съезде усиленно подчеркивалось, что этот новый подъем неизбежен, ибо в

стране до сих пор еще не разрешен ни один из основных вопросов революции.

Хотя В. И. Ленин и не присутствовал лично на съезде (он скрывался от агентов Временного правительства), но через своих соратников руководил всей его работой. Делегаты избрали Владимира Ильича почетным председателем съезда.

VI съезд потребовал, чтобы члены партии и в практической деятельности и в пропагандистской исходили из необходимости разъяснения массам новых тактических задач. И прежде всего надо было продолжать разоблачать не только соглашательство меньшевиков и эсеров с буржуазией, но и их предательство революции.

К более твердому укреплению собственных позиций стремилось и Временное правительство. Чтобы мобилизовать все контрреволюционные силы России, оно созвало 12 августа в Москве так называемое государственное совещание. Лидером этого совещания стал генерал Корнилов. Он выступил с речью, в которой открыто требовал палочной дисциплины в армии и на флоте, большего доверия офицерству. Корнилову было мало смертной казни, восстановленной на фронте. Он призывал, чтобы смертная казнь была введена и в тылу, ратовал за полную военизацию железных дорог и оборонных заводов. В конце речи генерал начал угрожать: дескать, он сдаст немцам Ригу и откроет им дорогу на Петроград, если его требования не будут удовлетворены.

Чтобы отвлечь внимание народа от корниловского ультиматума, сторонники генерала распускали всюду слухи, будто бы 27 августа, в день полугодщины Февральской революции, большевики готовят восстание. К этому дню Корнилов и начал окружать Петроград своими надежными, как он считал, воинскими частями. Ригу он уже сдал.

Керенский, приветствовавший вначале Корнилова, в последний момент перепугался, что народные массы, возмущенные действием мятежников, в конце концов сметут и само Временное правительство. Поэтому Корнилов срочно был объявлен изменником и смещен с занимаемой должности.

Партия большевиков в момент корниловского заговора оказалась в России единственной политической партией, которая сумела организовать массы против этого реакционного выступления. По призыву ленинцев солдаты, матросы и рабочие Петрограда дружно поднялись на защиту революции.

30 августа (12 сентября) В. И. Ленин в письме в Центральный Комитет РСДРП(б) писал:

Мы будем воевать, мы воюем с Корниловым, как и войска Керенского, но мы не поддерживаем Керенского, а разоблачаем его слабость. Это разница. Это разница довольно тонкая, но архисущественная и забывать ее нельзя»¹.

Разгром корниловского мятежа сыграл огромную роль для всего дальнейшего хода революции. Авторитет и влияние большевистской партии возросли еще больше.

Тревожные вести о корниловщине застали Павла Хохрякова в Архангельске, главной базе флотилии Северного Ледовитого океана. До 1916 года русских военно-морских сил в этом районе не было. Охрану водных путей и побережья несли корабли Антанты.

После решения о создании флотилии Северного Ледовитого океана в Архангельск и Мурманск перебросили мелкие суда с других флотов и флотилий. В Японии выкупили несколько больших кораблей, захваченных во время русско-японской войны, также спешно направили сюда ряд военных судов, находившихся в союзных портах.

Личный состав флотилии комплектовался за счет различных экипажей: Сибирского, 2-го Балтийского, Каспийского и т. д. Многие матросы попали в Архангельск и Мурманск прямо из заграничного плавания. По этим причинам здесь еще не было товарищеской сплоченности, так характерной для главных сил русского военного флота. Отсутствовали традиции совместной службы, традиции боевых операций и походов.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 120.

В первые недели после Февральской революции на кораблях и базах флотилии стали создаваться выборные комитеты. Моряки потянулись к политической жизни. Этим воспользовались меньшевики и эсеры, которых в Архангельске и Мурманске было немало, и в союзе с офицерами начали распространять свое влияние на матросские массы. Свои ставленники имелись у меньшевиков и эсеров и в исполнительном комитете флотилии.

2 мая 1917 года этот комитет принял резолюцию, подчеркнувшую, что «флотилия Северного Ледовитого океана и отдельные флотские команды Архангельска и его района будут всемерно и всеми средствами поддерживать Временное правительство». А в июле личный состав линейного корабля «Чесма» осудил демонстрацию в Петрограде за то, что она проводилась в момент, когда «на фронте шло наступление».

Но если в дни Февральской революции большевиков на флотилии можно было сосчитать по пальцам, то к июлю 1917 года их организация представляла уже значительную силу. В самом Архангельске и в некоторых уездах Архангельской губернии к тому времени побывала кронштадтская делегация во главе с матросом Иконниковым. Члены делегации выступали с докладами о внутреннем положении в стране, подробно рассказывали и про Кронштадт, разоблачали меньшевиков и эсеров.

В августе на север выехала новая делегация кронштадтцев. На этот раз ее возглавлял Павел Хохряков.

Командование флотилии, а вместе с ним и представители местных соглашательских партий встретили Хохрякова и его товарищей в штыки. Но матросы Архангельского полуэкипажа приветствовали приезд кронштадтцев. Совсем недавно они приняли резолюцию, в которой отмечалось, что Совет «препятствует проводить в жизнь правильную идею большевиков, находя, что распространение таковой подрывает буржуазную твердую власть». Полуэкипаж потребовал от Совета не препятствовать выступлению большевиков «на собраниях и митингах, как это наблюдалось в некоторых местах».

Вынужденные подчиниться резолюции, меньшевики и эсеры тем не менее вели агитацию против кронштадтцев, стремясь посеять вражду между ними и матросами флотилии. Кроме того, они усиленно доказывали, что скоро, после окончания «победоносной войны», в России наступит рай. Только прямого ответа о сущности рая пока не давали.

У Хохрякова уже накопился кое-какой опыт пропагандистской работы. Он рассказывал морякам флотилии, как будет устроена власть после свержения Временного правительства. Говорил, что земля без выкупа перейдет к крестьянам, а заводы — к рабочим.

Выступления кронштадтцев на кораблях и в казармах находили живой отклик. И когда 28 августа было получено сообщение о заговоре Корнилова, члены судовых и ротных комитетов моментально собрались в исполнительном комитете флотилии. Срочно была избрана комиссия для проверки несения вахтенной и караульной служб, к девяти часам утра следующего дня всем комитетам приказывалось дать сведения о количестве необходимого для команд оружия. Увольнения матросов и офицеров разрешались лишь с согласия судовых и ротных комитетов. Это своевременное вмешательство предотвратило контрреволюционное выступление на флотилии.

Товарищи Хохрякова срочно были отозваны в Кронштадт. Сам же он направился в Мурманск. Мурманск считался операционной базой флотилии Северного Ледовитого океана. Там стояли линейный корабль «Чесма», крейсер «Аскольд» и особый дивизион миноносцев.

Но если команда «Аскольда» и Отдельная Кольская флотская рота, сформированная из балтийцев, радостно встречали посланца Кронштадта и внимательно слушали его беседы о последних лозунгах большевистской партии, то по-иному было на флагманском корабле флотилии, на «Чесме».

Хохряков знал о телеграмме команды «Чесмы», посвященной июльской демонстрации, знал и о том, что чесменцы

настроены против него. Однако кочегар с «Зари свободы» не испугался угроз.

Когда он появился на «Чесме», представители судебного комитета встретили его настороженным молчанием. Но митинг в конце концов собрать разрешили.

Свое выступление Павел начал с приветствия от революционного Кронштадта, так он обычно начинал в последнее время любую свою речь. Только на этот раз ему не аплодировали, команда «Чесмы» ответила на приветственные слова молчанием. Но Павел не растерялся. Было ясно, что офицеры линкора и их помощники, меньшевики и эсеры, до его приезда здесь поработали.

И Павел стал не спеша рассказывать о событиях, происходящих в Петрограде и Кронштадте. Он понял, что чесменцы не знают истинного положения дел, не слышали о преступных маневрах Временного правительства, не имеют понятия о революционных традициях Балтийского флота. Даже имя Ленина им мало о чем говорит.

Постепенно настроение команды начало меняться. И когда в конце Павел сказал, что Временное правительство игнорирует любое требование народа, его закидали вопросами...

— Они увидели, что мы правы, и просили передать горячий привет Кронштадту,— докладывал Хохряков, возвратившись с Севера...

...Да, не зря называл Яков Михайлович Свердлов Павла Хохрякова прирожденным агитатором и рекомендовал его для поездки на Урал.

Октябрь...
Двадцать шестое...
Зал аплодирует стоя...
Полны все ярусы, все балконы,
Рабочие кепки...
Шинели фронтовиков...
В предвидиуме —
Всем знакомые
Малышев, Вайнер, Хохряков...
Гуляет по залу балтийский ветер.
Матрос Хохряков бросает слова:
«Восстание»,
«Ленин»,
«Рабочий класс».
Он в черном бушлате,
широкоплечий.
Зал снова поднялся.
Словам навстречу
Сияют тысячи глаз.

Степан Щипачев.
Октябрь на Урале

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Екатеринбург Павлу был знаком. До военной службы он несколько раз приезжал сюда со старшими братьями зимой на заработки. Того, что давала летом в страдную пору неурожайная вятская земля, многочисленной семье Хохряковых не хватало...

Эти далекие теперь времена снова вспомнились Павлу, когда поезд подходил к Екатеринбург. За окнами вагона струились бесконечные линейки телеграфных проводов, мелькали сосны, синели Уральские горы. Где-то вдали дымили трубы заводов. Вот проплыло узкое здание старого вокзала, лягнули буфера, и поезд остановился на запасных путях.

Взяв небольшой флотский сундучок, Павел вышел на платформу, огляделся и через минуту смешался с другими пассажирами, спускавшимися вниз по каменной лестнице. Потом через главный подъезд он выбрался на широкую мо-

ценную площадь со сквером посередине и двинулся к видневшейся за извозчицней стоянкой улице. Улица эта, названная в честь одного из губернаторов Пермской губернии Арсеньевской, вела к центру города.

Екатеринбургский комитет РСДРП(б) Павел отыскал на Покровском проспекте. Разместился он в доме уральского миллионера Поклевского, который еще задолго до мировой войны уехал за границу. Поднявшись на верхний этаж, Павел открыл дверь в первую попавшуюся комнату. Никто из присутствующих не обратил на него внимания. Все слушали грузного седоватого подпрапорщика. Обращаясь к молодому человеку с небольшими светлыми усами, подпрапорщик вопил, призывая в свидетели чуть ли не весь мир:

— Неужели надо объяснять, что вы действуете по указке немецкого кайзера? Поймите, я не осуждаю невежественного бунта солдат, бунта темных и озлобленных людей, прошлая жизнь которых протекала в сумерках унижительного рабства и не воспитала в них ни гражданских чувств, ни уважения к себе и к своей несчастной родине. Виноваты в своем ужасном невежестве не они!

— А кто? — прищуриив левый глаз, спросил светлоусый молодой человек.

— Виноваты вы, большевики! — истерически взвизгнул подпрапорщик. — Да! Да! Как социалист-революционер я настаиваю на этом!

Светлоусый недовольно пожал плечами, давая понять, что разговор окончен. Павел не выдержал:

— Послушай, эсер, — сказал он, глядя в упор на подпрапорщика, — разве не с согласия твоей партии запирали революционных вождей народа в тюрьмы в июльские дни, а товарищ Ленин и сейчас еще вынужден скрываться? Разве не твои друзья благословили разгром рабочих и солдатских газет? А не ваш ли министр, эсер Керенский, ввел смертную казнь для солдат, которым вы якобы требуете земли и воли? О каком невежестве вы говорите?

— Это черт знает что такое! — подпрапорщик задохнул-

ся от злости.—Иезуитские приемы... Но мы еще встретимся, матрос!

Он выскочил, хлопнув дверью. Все расхохотались. Павел подошел к светлоусому молодому человеку:

— Я только прибыл из Петрограда. Вот мой мандат.

— Павел Хохряков? — светлоусый крепко пожал матросу руку.— Я Малышев... Иван Малышев... А здорово ты подпрапорщика отделал! Сразу видно, что практика есть... Товарищи! — обратился он к присутствующим.— Знакомьтесь, это наш новый работник, Павел Данилович Хохряков, балтиец, направлен сюда по заданию ЦК.

С подоконника картинно соскочил высокий кудрявый парень:

— Есть знакомиться, товарищ председатель Екатеринбургского комитета большевистской партии!.. Да здравствует Балтийский флот!..

Но старик в поношенной железнодорожной тужурке так строго посмотрел на веселого парня, что тот мигом замолк.

— Ну, моряк,— повернулся старик к Павлу,— рассказывай, как там дела, в Питере, как Ленин?

— Да, да! — дружно поддержали остальные.— Полный доклад сделай!

— Как флот себя чувствует?

— Когда Якова Михайловича в последний раз видел?

— Верно ли говорят, Временное правительство собирается бежать из Питера и отдать революционную столицу на расправу Вильгельму?

— По порядку, товарищи, по порядку! — Павел поднял обе руки.— А то оглушили вопросами.

— Тебя не оглушишь! — засмеялся кудрявый парень.— Ты вон как эсера-то оглушил...

Беседа затянулась. Павел ознакомился с положением дел в Екатеринбурге.

— Главное внимание,— напоминал Малышев,— надо обратить на казарму, на вчерашнюю деревню, где эсеры с их лозунгами о земле были в свое время популярны. Не секрет,

что многие в Екатеринбургском гарнизоне заражены эсеровским душком. Правда, после разгрома корниловщины доверие к эсерам и меньшевикам ослабло. Всем ясно, что соотношение партийных фракций в Совете не соответствует их влиянию в массах. Поэтому Совет постановил провести пере-выборы. Наша задача — развернуть упорную агитационную работу. Местный Совет рабочих и солдатских депутатов должен полностью стать большевистским!

Павел сразу же начал кипучую агитационную деятельность. Вскоре он стал одним из любимых ораторов трудового Екатеринбурга. Говорил Павел то, что шло от сердца, то, что было близко простым людям. Во время выступлений он держался свободно, неторопливо расхаживал по помосту или по сцене. Порой, как бы желая приблизиться к слушателям, наклонялся вперед и энергическими жестами выделял самое важное в своей речи.

Пропагандистские задания Павел чаще всего получал от Леонида Вайнера. Вайнер возглавлял пропагандистскую коллегию, которая готовила новые кадры агитаторов и занималась повышением политических знаний партийных работников.

Рано утром Павел обычно приходил к Вайнеру в комитет РСДРП(б), затем его можно было встретить на Верх-Исетском заводе, в пролетарских кварталах, в Оровайских казармах. Рабочие и солдаты видели в нем близкого человека, верили ему.

— Его слова глубоко западали в душу, — вспоминают близкие друзья Хохлакова, — и разбивали «соглашательский» туман мелкобуржуазных иллюзий. Он решительно бичевал черенщину.

«Заслушав доклад представителя Кронштадтского флота матроса Хохлакова, — указывали в резолюции участники одного из митингов, — мы, рабочие Верх-Исетского завода, заявляем о своей готовности, когда будет нужно, поддержать

революцию рабочих, солдат и матросов не на словах, а на деле».

А это из протокола общего собрания 108-го пехотного полка:

«Доклад товарища матроса Хохрякова слушали с большим вниманием».

«Приветствуем красу и гордость революции — кронштадтцев — за их стойкую борьбу против бойни капитала и угнетателей... Требуем скорейшего созыва Всероссийского съезда Советов, который должен взять верховную власть», — такое решение принимают после речи Хохрякова на митинге в депо екатеринбургские железнодорожники...

Часто митинги проходили на Кафедральной площади (теперь площадь имени 1905 года). Митинговать там было удобно: оратор взбирался на постамент, оставшийся от низвергнутого в дни Февральской революции памятника Александру II, вокруг собирались екатеринбуржцы, и митинг начинался.

Большевикам было важно, чтобы народ убедился, кто защищает его интересы. Поэтому они обычно не спешили, а старались столкнуть «лбами» меньшевиков и эсеров, чтобы скомпрометировать их перед слушателями, и, когда те, ошарашенные, покидали постамент, брали ход митинга в свои руки. Нередко на этой площади выступал и Павел Хохряков. Иногда, даже случайно оказавшись поблизости, он пробирался сквозь толпу к постаменту и разбивал соглашательские доводы.

— Крой их, матрос! — неслись одобрительные голоса.

— Так их, товарищ Павел! — восторженно кричал какой-нибудь пехотинец, знавший Хохрякова по собранию в казарме.

Однажды в комитет РСДРП(б) зашел, прихрамывая, солдат средних лет с красными, свидетельствующими о ранении, нашивками на гимнастерке.

— Моя фамилия Свирченко, — представился он. — Я из лазарета, из команды выздоравливающих... Вы про нас за-

были. На заводах выступаете, а к нам не заглянете. А кое-кто этим уже пользуется.

В лазарет направили Хохрякова. Помещался лазарет в неудобном здании на Клубной улице.

— Не очень-то богата ваша хата,— заметил Павел, входя со Свирченко в первый же коридор.— Грязи кругом много!

— Как бог послал, так и живем! — грустно пожал плечами Свирченко.

— На бога надейся, да и сам не плошай! Так, кажется, пословица говорит? — улыбнулся Павел и, зайдя вслед за Свирченко в огромную палату, приветливо махнул рукой:

— Здравствуйте, товарищи!

В палату вбежал толстый санитар.

— Кто такой? — закричал он на Павла.— Откуда явился? Здесь лазарет для пехоты, артиллерии и кавалерии, а морских мы не примам! Начальник такого приказа не дадут!..

— Приказа твоего начальника мне не надо. Я и без него как-нибудь проживу... — прервал толстого санитара Павел, а Свирченко, обращаясь к раненым, сказал:

— Этот матрос, хлопцы, кронштадтский человек! Он нам митинг проведет.

— Много ныне таких человек шатается! — заворчал солдат с рыжей бородой.— Потому-то и пропадает Россия наша. Никто ее защищать не желает.

— «Пропадает», говоришь? — подмигнул ему Павел.— Не думаю, что так. Правда, вот защищать-то в России рабочим и крестьянам сейчас нечего. Земли у них нет, свободы настоящей тоже.

— Ты сам-то из большевиков или из меньшевиков? — поинтересовался простуженный бас из-за печки.

— Из большевиков.

— Иш ты! Из большевиков... Так и разъясни всем ребятам-то нашим и мне, конечно, кто такие эти люди, большевики?

Павел посмотрел кругом. Видимо, команда выздоравли-

вающих еще плохо разбиралась в происходящих событиях.

— Кто такие большевики? — выдержав паузу, переспросил он. — Это есть люди, которые, не жалея ни своего здоровья, ни жизни, добиваются, чтобы управление Россией было только в руках трудящегося народа. Большевики стоят за мир с Германией. — Павел повысил голос и взмахнул рукой. — Но они против всех буржуев и помещиков!

В дверях появился лысый человек с погонами военного чиновника на френче. Это был начальник лазарета. За ним угодливо семенил толстый санитар.

— Что здесь происходит? — грозно спросил чиновник. — Кто разрешил митинговать? Санитар Ананьев! Узнайте у этого матроса, что ему надо?

— Я и сам могу сказать, — спокойно ответил Хохряков. — Мне-то лично ничего не требуется, а вот о раненых не мешало бы позаботиться. Четвертый год люди на фронтах за чужие капиталы страдают, так хоть здесь дайте им пожить по-человечески...

— Вчерась одного выписали за то, что пожаловался на дрянные харчи, — робко прошептал кто-то.

— Я перед вами никакой ответственности не несу! — горячился военный чиновник. — Покиньте немедленно мой лазарет!

Раненые возмущенно зашумели. Приход матроса сделал их смелее: они высказывали свои претензии и даже назвали начальника лазарета «аблакатом буржуев». А тот под строгим взглядом серых глаз Павла Хохрякова клялся, что делает все, что надо. От его бывшего гонора не осталось и следа...

Послеиюльский период на Урале, как и во многих районах страны, характеризовался ростом забастовочного движения. Во всех забастовках на первый план выдвигались требования о свержении Временного правительства и о всеобщем рабочем контроле на производстве. Самой значительной забастовкой на Урале в те месяцы была забастовка екатерин-

бургских полиграфистов, которой руководил профсоюз печатников. «Это — первая продолжительная стачка уральских рабочих за время революции. Это своего рода экзамен для обеих сторон, и от исхода его зависит многое», — писала 10 сентября газета «Уральский рабочий».

Успешно проходили забастовки екатеринбургских портных, объединенных в союз «Труженики иглы», и рабочих мешочной фабрики Жирякова. Забастовка на мешочной фабрике началась 25 августа и длилась более месяца. Так как ее владелец Жиряков упорно отказывался удовлетворить требования бастующих, Екатеринбургский Совет 9 октября национализировал эту фабрику.

В ответ на корниловское выступление по призыву II Уральского областного съезда Советов по всему Уралу прошла однодневная политическая забастовка. По предварительным подсчетам, в ней приняло участие около 110 000 человек («Уральский рабочий», 1917, 10 сент.).

4 октября Екатеринбургский Совет единодушно принимает решение о новых выборах. И в результате кропотливой и упорной пропагандистской работы, которую провели большевики, во вновь избранном Совете перевес оказался на их стороне. Из 120 делегатов 86 были членами РСДРП(б).

Солдаты одной из стрелковых рот послали туда своим представителем Павла Хохрякова. Сначала он работал в Совете в агитационном отделе, стал членом исполнительного комитета, а в дни, предшествующие Октябрьской революции, был назначен начальником Центрального штаба Екатеринбургской Красной гвардии.

Отряды Красной гвардии на Урале стали возникать особенно быстро после мятежа Корнилова. Об этом говорят резолюции и постановления, выносившиеся тогда на уральских заводах. Там же, где красногвардейские отряды были уже созданы, они пополнялись новыми кадрами. На Злоказовском заводе в Екатеринбурге за один только день в Красную гвардию записалось 80 человек. 15 октября рабочие Верх-Исетска потребовали, чтобы был созван Всероссийский

съезд Советов, который бы вооружил всех рабочих. О вооружении отрядов Красной гвардии указывали в своих резолюциях и рабочие Екатеринбургских железнодорожных мастерских, и члены союза деревообделочников.

Конечно, это было прежде всего проявление высокой сознательности самих трудящихся. Красногвардейцы никакой платы не получали и продолжали в свободное время работать на заводах. Дисциплина в отрядах поддерживалась товарищеской спайкой, командиры были выборные. Военному делу обучали обычно старые солдаты.

В октябре 1917 года Урал имел уже значительное количество красногвардейских отрядов, надежную защиту революции.

Член КПСС с 1917 года А. Медведев в своих «Записках красногвардейца» вспоминал:

«Город был разделен на четыре района. В каждом районе создавался районный штаб Красной гвардии. В здании старого вокзала, при железнодорожной станции Екатеринбург-1, разместился штаб 1-го района. Он объединял красногвардейцев-железнодорожников. Отряд 2-го района дислоцировался при вагоноремонтном заводе (бывший Монетный двор, сохранивший, однако, свое старое название). 3-й район охватывал Злоказовскую фабрику и предприятия юго-восточной окраины города.

Красногвардейский отряд нашего 4-го района состоял из рабочих Верх-Исетского завода и спичечной фабрики. У спичечников командиром была местная работница, молодая, но смелая большевичка Мария Куренных. А всем сводным отрядом 4-го района командовал большевик Петр Захарович Ермаков, прошедший суровую школу царской каторжной тюрьмы и многолетней ссылки. Тяжелые испытания не сломили воли этого человека. Я помню его тогда стройным смуглолицым крепышом, с живыми черными глазами и густой копной смолисто-черных, посеребренных ранней сединой волос. Захарыч — так мы любовно называли его между собой.

Отряд верхисётских рабочих насчитывал до 300 человек. Всего по городу в Красной гвардии числилось около тысячи бойцов. С оружием на первых порах было туго. Винтовок не хватало, и нас вооружили давно устаревшими однозарядными берданками образца 1875 года. Но так как и этого оружия всем не хватало, то кое-кто из красногвардейцев вооружился столь же допотопными револьверами системы «Лефаше»...»

Большая роль в организации Красной гвардии Екатеринбургa, в приведении ее отрядов в настоящую боевую готовность принадлежала Павлу Хохрякову. Принимал он участие и в работе военной организации Пермского окружного комитета РСДРП(б).

На солдатских митингах Хохрякову иногда приходилось разъяснять подробно роль и значение Красной гвардии.

— Если рабочие в тылу вооружаются, создают Красную гвардию, так пусть и отправляются сами на фронт! — кричал кто-нибудь из солдат, подговоренный офицерами. — А то ведь умирать-то нас, серошинельных, посылают.

— Правильно! — присоединялся еще один. — Тут, в окопах, двадцать четыре часа сидишь, а им восьмичасовой рабочий день подавай!

— У нас же есть революционные полки, а рабочие им не верят! Они хотят свои интересы защищать оружием против требований солдат, потому и вооружаются!

— Кто это вам сказал, что рабочие вооружаются против вас? — спокойно спрашивал Хохряков. — Кто?

Солдаты обычно молча смотрели друг на друга. Те, которые задавали вопросы, старались укрыться за чужими спинами.

— Да что их, офицерских холоуев, слушать? — раздавался гневный голос. — Крой их, матрос! Пусть знают наших!

— Как могут рабочие вооружаться против солдат, когда они не собираются забирать власть только в свои руки, — продолжал Хохряков, когда шум стихал. — Они всегда твердят о полновластии рабочих и беднейших крестьян, то есть

тех же солдат... Вы на это можете возразить, что у нас есть революционные полки. Верно, есть! Но революционные полки всегда можно вывести, заменив их полками, верными Керенскому. А Красную гвардию не выведешь. Опять-таки при демобилизации какие полки могут прежде всего распустить? Революционные... А вы спрашиваете, зачем нужна Красная гвардия...

Создавать красногвардейские отряды Хохрякову помогала группа моряков, приехавшая специально для этой цели из Кронштадта. Матрос гвардейского экипажа А. Старостин вспоминал, как Хохряков говорил:

«— Пошлем вас по уральским заводам организовывать Красную гвардию. У вас на ленточках написано «Гвардия», а мы добавим еще слово «Красная». Поезжайте и поднимайте народ на борьбу за власть Советов, за дело Ленина.

Напутствуя в дорогу, Хохряков заверил:

— В ближайшее время должна произойти наша пролетарская революция. Запомните: залог победы — винтовка в руках рабочего. Обратите особое внимание на подбор командного состава и обучение красногвардейцев.

Меня направили в Кыштым, Уфалей, Карабаш и Касли».

Вместе с Павлом Хохряковым военную работу большевиков Екатеринбургa возглавлял и Яков Юровский, старый революционер-подпольщик. Часто они оба выступали в солдатских казармах и на заводах.

Увидев как-то на Верх-Исетском заводе Хохрякова в окружении матросов гвардейского экипажа, Юровский пошутил:

— Гвардейцы черноусые, и все как на подбор.— И, указывая на Павла, добавил: — А с ними дядька Черномор!

К 24 октября (6 ноября) 1917 года Петроградский военно-революционный комитет через Я. М. Свердлова получил директиву ЦК большевистской партии: действовать решительно, ликвидировать Временное правительство и захватить власть, не дожидаясь открытия II съезда Советов.

Военно-революционный комитет уточняет некоторые моменты. Кто-то из его членов предлагает:

— Не могли бы кронштадтцы продвинуть «Зарю свободы» в канал против железнодорожной станции Лигово, чтобы не допустить подкрепление к Керенскому?

«Заря свободы» выходит из Кронштадта и становится в Морском канале. Ее дальнобойная артиллерия контролирует направление на Гатчину и Царское село. Десантный отряд с корабля занимает Лигово. Вскоре из военно-революционного комитета новый приказ: радиостанция «Зари свободы» должна постоянно держать связь с революционными полками Северного фронта, латышскими и сибирскими...

А 25 октября (7 ноября) в 12 часов дня отряд под командованием Ивана Сладкова захватывает Петроградский военный порт и радиостанцию «Новая Голландия». Затем, оставив здесь караулы, моряки вместе с красногвардейцами располагаются в одном из ближних к Зимнему дворцу районов.

Сладков говорит:

— Наша задача: не допустить прорыва юнкеров, казаков и других контрреволюционных частей!..

Ночью Зимний дворец, последняя опора Временного правительства, был взят штурмом революционными рабочими, солдатами и матросами.

В Екатеринбурге той ночью на телеграфе было принято всего две телеграммы:

«Военно-революционный комитет, созданный исключительно Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов, в настоящее время фактически стоит у власти».

«Зимний дворец занят. Министры арестованы».

С утра в Екатеринбурге царил возбуждение. На митингах и собраниях можно было слышать представителей Екатеринбургского комитета РСДРП(б). Они «призывали сплотиться вокруг Советов и поддержать петроградских рабочих и солдат. На одной из площадей города при огромном стече-

нии народа посланец Центрального Комитета партии большевиков П. Д. Хохряков зачитал известие о победе восстания в Петрограде и переходе всей власти к Советам. Последние его слова потонули в буре восторженных возгласов и оваций»¹.

Площадь, на которой выступал Хохряков, называлась Ковинской (теперь на ней находится Центральный колхозный рынок). Вместе с ним был и Юровский. Как раз в те дни проходили волнения в Екатеринбургском гарнизоне. Комиссар Временного правительства, поддерживаемый реакционными офицерами, собирался отправить на фронт революционно настроенных солдат. Солдаты воспротивились этому приказу. Против действий комиссара категорически высказались большевики Екатеринбурга. И когда утром 26 октября на Ковинской площади состоялся гарнизонный митинг, на нем, как вспоминали очевидцы, впервые в городе публично Яковом Юровским и Павлом Хохряковым было объявлено об аресте Временного правительства. Сообщение вызвало бурный восторг. Ясно, что распоряжение об отправке на фронт уже отпадало.

Духовой оркестр грянул «Интернационал», и все люди на площади громко и дружно запели:

Вставай, проклятем заклеянный,
Весь мир голодных и рабов!
Кипит наш разум возмущенный
И в смертный бой вести готов...

А к вечеру к зданию нового городского театра, где должно было проходить пленарное заседание Совета, потянулись делегации от заводов, фабрик, мастерских, воинских частей, учебных заведений, шли и просто одиночки. Вход в театр украсили красные флаги. За порядком наблюдали молодые красногвардейцы Верх-Исетска². Партер, бельэтаж, балкон,

¹ История гражданской войны в СССР, т. 3, с. 22—23.

² В день 50-летия Октябрьской революции с одним из этих красногвардейцев, Александром Ивановичем Медведевым, я вел телевизионный репортаж из зрительного зала Свердловского академического театра

галерка были заполнены в тот вечер до отказа. Такого скопления публики екатеринбуржцы здесь еще не видели! Экстренно вызванный архитектор К. Бабыкин, руководивший недавним строительством театра (кое у кого возникли опасения: не случится ли катастрофа), дал гарантию, что стены и железобетонные перекрытия могут выдержать и не такое количество народа.

Как же проходило то историческое заседание Екатеринбургского Совета. Об этом рассказывают.

Г. А. Шебуев, народный артист РСФСР, лауреат Государственной премии:

«Уйдя в четвертом часу после репетиции, я в семь часов вечера отправился на спектакль «Гроза», в котором играл Бориса. В актерском фойе я встретил множество незнакомых людей. Кто они, зачем пришли, я не понял. Сторож пояснил:

— В театре собрание, спектакля не будет.

Я подошел к дверям, ведущим на сцену, и увидел большой стол, покрытый красной материей. На трибуне стоял лысоватый, с маленькой бородкой человек, это был Николай Николаевич Крестинский, известный в Екатеринбурге адвокат, будущий наркомфин и советский посол в Берлине. Я пробрался к входу в битком набитый зрительный зал. Почти все присутствующие были в верхней одежде, с шапками в руках. Около себя я услышал тихие голоса:

— А Керенского-то они поймали, посадили?

— Нет, удрал на фронт.

— Ах, так он им себя покажет!

Я не дослушал этот диалог до конца, мое внимание было целиком захвачено тем, что происходило на сцене. На трибуну всходили и рабочие, и представители интеллигенции, и военные. По-разному выступали они, люди разной куль-

оперы и балета им. Луначарского. Александр Иванович вспоминал, что, несмотря на огромное скопление людей, порядок тогда был идеальным. Дежурили красногвардейцы без оружия. (Прим. авт.)

туры, образования: подчас я слышал речь, граничащую с малограмотностью, но во всех выступлениях было столько уверенности, торжества великой веры в правоту свершившейся победы, столько внутреннего огня, что я не заметил, как полтора часа простоял на ногах в проходе партера»¹.

К. И. Наумов, профессор, доктор сельскохозяйственных наук, член КПСС с 1917 года:

«У всех настроение приподнятое, взоры всех присутствующих в зале устремлены к столу президиума. Всех волновал коренной разворот революционных событий. Хотелось услышать о них подробнее.

Собрание открыл Николай Николаевич Крестинский в черном праздничном костюме. Не выходя из-за стола, он торжественно объявил о провозглашении Советской власти и об избрании II съездом Советов нового правительства — Совета Народных Комиссаров во главе с Владимиром Ильичем Лениным. Это сообщение сразу вызвало гром аплодисментов. Поблескивая стеклами своих очков и сдерживая естественное волнение, Крестинский, выждав, когда стихнут аплодисменты, сказал, что наступил новый этап революции. Этот этап должен положить конец власти буржуазии — и политической ее власти, и экономической.

В тот день я тоже был на сцене и помню, как выступали наши ораторы. Один из них говорил:

— Правительство Керенского дулось, пыжилось, как лягушка в басне Крылова, но ни одной назревшей проблемы не разрешило. Все его обещания лопнули как мыльный пузырь: вместо мира — война до победного конца, вместо земли крестьянам — уговоры подождать, когда ждать стало невмоготу — карательные отряды. Теперь же эти наболевшие вопросы получили свое конкретное решение в первых Декретах Советской власти о земле и мире.

В президиум пришла записка: «Куда девался Керенский?» И когда последовал ответ, что Керенский сбежал, как

¹ «Урал», 1971, № 2, с. 151.

трусливый заяц, и что далеко он не уйдет, в зале раздался всеобщий смех.

Запомнилось мне выступление И. М. Малышева. Подойдя к самому краю сцены, Малышев пригладил рукой свои волосы и сказал мягким, но решительным голосом:

— Отныне вся власть в Екатеринбурге принадлежит Совету рабочих и солдатских депутатов. В ближайшие дни исполнительный комитет Совета сформирует необходимые органы самоуправления — по труду, просвещению и другие. За городской думой останутся лишь коммунальные дела.

Затем к краю сцены вышел в солдатской гимнастерке, туго перетянутой ремнем, Я. М. Юровский. Юровский любил говорить в форме вопросов и ответов:

— Что значит Советская власть, которую мы провозгласили? Это власть рабочих и беднейших крестьян. Против кого она направлена? Против буржуазии, зажившей на поте рабочего труда. Чего же мутят народ эсеры и меньшевики, распуская всевозможные слухи? Эсеры и меньшевики хотят сохранить ненавистный строй капиталистической эксплуатации... Не поддавайтесь на эти провокации!..

...И особенно волнующими моментами собрания в театре были выступления представителей полковых комитетов. Четким шагом они поднимались на сцену, и каждый, встав по военному, «во фронт», от имени своей части заверял Советскую власть, что солдаты передают себя в ее распоряжение и выражают ей полное доверие.

Закончилось собрание пением «Интернационала»¹.

А. И. Медведев, член КПСС с 1917 года:

«В конце октября на новом митинге в оперном театре мы узнали, что в Петрограде произошла социалистическая революция и во главе нового народного правительства стоит Ленин.

Какой-то оратор в черном сюртуке начал было кричать, что это большевистские выдумки, но его отстранил старый

¹ «Урал», 1973, № 11, с. 100.

матрос и, перекрывая густым басом шум в зале, объявил:
— Слово от революционных матросов Питера имеет товарищ Хохряков!

Широкий в плечах, подтянутый белокурый моряк в черном бушлате вышел вперед и сказал негромко:

— Да здравствует революция! Да здравствует власть Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Да здравствует Ленин!

И в ответ на эти слова весь театр взорвался целой бурей криков, аплодисментов»¹.

Так была провозглашена в Екатеринбурге власть трудящихся. Объявив себя единственным хозяином города, исполком Совета для руководства всей организационно-политической работой создал на первое время по образцу Петроградского военно-революционного комитета пятерку во главе с Н. Крестинским. В эту пятерку вошел и П. Войков, секретарь областного совета профессиональных союзов.

В депеше, отправленной от имени исполкома всем Советам Урала, указывалось:

«1) Местным Советам взять власть в свои руки на местах; 2) Нежелательных представителей старой власти сместить, сопротивляющихся арестовать. Всякое сопротивление подавить оружием. О совершающихся событиях телеграфно или другими способами сообщить Совету».

Екатеринбургский гарнизон на своем митинге, проходившем под председательством Хохрякова, принял резолюцию. Резолюция поддерживала власть Советов и требовала решительных шагов по борьбе с контрреволюционерами².

Контрреволюционеры всяческими способами пытались не допустить установления на Урале новых порядков. В Екатеринбург в конце октября стали приходить провокационные телеграммы. В них утверждалось, что в Петрограде восста-

¹ Медведев А. По долинам и по взгорьям. Свердловск, Средне-Уральское кн. изд-во, 1964, с. 49.

² См.: «Уральский рабочий», 1917, 2 ноября.

новлена законная власть Керенского, что большевики раздавлены, а на Екатеринбург движется Оренбургское казачье войско. Других телеграмм саботировавшие телеграфисты не принимали.

— Неверны эти сообщения! — убежденно говорил своим товарищам Малышев. — А если и верны, то Урал способен дать отпор казакам. Завоевания революции красный Урал отстоит!

Чтобы выяснить действительное положение в центре страны, Павел Хохряков с нарядом красногвардейцев отправился на телеграф. Как раз в эти минуты начальник увещевал колеблющихся телеграфистов:

— Вы — сыновья и дочери благородных родителей. Власть узурпировали большевики... злоупотребляя именем народа... Не подчиняйтесь им, покидайте свои места! Ваши коллеги это уже сделали! Большевиков никто не поддержит, их восстание скоро будет подавлено. Я говорю от имени конституционно-демократической партии...

— Мы пришли объявить вам приказ Екатеринбургского Совета! — прервал его Павел Хохряков, появляясь в дверях с четырьмя красногвардейцами.

— Нас не касаются никакие Советы, — пробовал сопротивляться контрреволюционер. — Мы признаем власть в лице...

— Вы, господин бывший начальник, — продолжал Павел, — живете старым числом. Никакой другой власти, кроме Советской, в России нет.

— Господа! — завопил чиновник. — Неужели вы будете слушать политических недорослей? Рекомендую вам оставить службу до особых моих распоряжений.

— Теперь будут наши распоряжения, — резко ответил Хохряков и, повернувшись к красногвардейцам, приказал: — Взять его... и в Центральный штаб! Остальным приступить к работе!

— Это же насилие! — возмущенно крикнул молодой телеграфист.

— Это революция! Кто не желает быть с революцией в одном строю, может освободить здание.

— Хорошо, мы уходим! — слышались голоса.

— А я остаюсь!

— И я...

Хохряков спокойно наблюдал за этой сценой. Красногвардеец, курносый верхисетский парень, схватившись за голову, испуганно зашептал:

— Вот нарубили дров! Что же теперь делать?

— Ну, ну! — улыбнулся Хохряков. — Не паникуй... Чего нос-то опустил? Повороти его на два румба... На телеграфе все будет в полном порядке, ручаюсь...

На телефонной станции наладить работу Хохрякову помогли члены Социалистического союза рабочей молодежи, будущие комсомольцы. Вместо сбежавших телефонных барышень они сами начали включать штепсельные вилки для разговора по вызову абонентов. Инструктировала их Парамонова, знавшая механизмы станции.

Таким образом, забастовка почтово-телеграфных служащих была подавлена. Реально взглянув на происходящие события, они в конце концов сами сели к телеграфным аппаратам и телефонным коммутаторам...

Одновременно с саботажниками подняли головы местные бандитские шайки. Вечерами стало опасно ходить по улицам. Особенно «славились» банды Гусара Ключина, Витьки Карманного и Пашки Грохота, грабившие мирных жителей Верх-Исетска и расправлявшиеся с рабочими-активистами. У Палкинского разъезда бандиты останавливали поезда с продовольствием. Грузили на подводы мешки с мукой, крупой, сахаром, увозили их на свои «малины», а затем сбывали спекулянтам.

Центральный штаб Екатеринбургской Красной гвардии на экстренном заседании вынес решение: ликвидировать бандитов. Возвратившись с заседания, Петр Ермаков доложил красногвардейцам 4-го района:

— От вашего имени я дал слово товарищам Малышеву и

Хохрякову за одну ночь покончить с Гусаром, Витькой и Пашкой. Все подозрительные адреса у меня уже переписаны. Собираться по гудку. О том, куда идем, посторонним молчок...

— Добро. Захарыч! — похвалил Хохряков Ермакова, когда тот утром докладывал о результатах облавы. — Не подкачали верхисетцы...

Но его слова прервал телефонный звонок. Звонил Ф. Голощекин, делегат II съезда Советов, только что вернувшийся из Петрограда. Хохрякову новое задание: нужно срочно идти в окружной суд.

— Был красочный момент, — вспоминал сам Голощекин, — когда я, матрос Хохряков и кто-то из рабочих Верх-Исетского завода явились в суд, собрали всех членов и председателя и объяснили им, что мы, ничего не понимая в юридических науках, все же становимся во главе, чтобы организовать новый, революционный суд...

Какие-то подозрительные личности усиленно призывали жителей города к разгрому казенного винного склада. Хохряков отдал распоряжение: спирт немедленно спустить в реку Мельковку и Исетский пруд. Попытки хулиганов вмешаться в это дело были ликвидированы красногвардейскими отрядами...

Чтобы враги зримо убедились в военной мощи Екатеринбургского Совета, центральный штаб решил провести на Сенной площади — самой большой площади города — смотр Красной гвардии. В былые времена на ней устраивались конские ярмарки. Теперь же огромное пространство пустовало. Правда, днем здесь играли окрестные ребятишки, ночью же площадь погружалась в беспросветную темноту, и никто из обывателей ни за какие сокровища не рискнул бы пересечь ее. В наши дни на этой площади разбит парк пионеров и школьников имени Павлика Морозова, выстроены жилые многоэтажные дома, корпуса технических факультетов Уральского госуниверситета, возведена телевизионная вышка.

Точно в назначенное время выравнялась на Сенной пло-

щади с оружием в руках, со знаменами первая тысяча красногвардейцев Екатеринбургa. Из Оровайских казарм пришли с оркестром солдаты.

Это был первый военный парад в Екатеринбургe после провозглашения Советской власти. Принимал его Павел Хохряков.

Стройными рядами промаршировали красногвардейцы и революционные солдаты мимо трибуны, на которой находились представители комитета РСДРП(б) и члены Совета. В заключение к участникам смотра с краткой речью обратился Хохряков. Он призвал красногвардейцев по первому сигналу выступить против врагов революции, а если будет нужно, то и кровью защитить молодую Республику рабочих и крестьян.

— Наша борьба за светлое будущее, — закончил свою речь Хохряков, — зовет нас вперед!

30 октября (12 ноября) эсеры выступили в Совете с предложением создать в городе «однородную социалистическую власть». Под напором меньшевиков и эсеров, воспользовавшихся тем, что некоторые партийные работники Урала проявили колебание, был образован коалиционный ревком. В его состав вошли представители комитета РСДРП(б), Совета рабочих и солдатских депутатов, профессиональных союзов, фабрично-заводских комитетов, эсеров, бунда, областного крестьянского съезда и кооперативных организаций¹.

Временное бюро коалиционного «ревкома» постановило особым воззванием довести до населения города, что отныне вся власть переходит к «бюро». Обстановка создалась сложная. 1 ноября на городской конференции РСДРП(б) было рассмотрено положение в Екатеринбургe. П. Быков, участвовавший в работе II съезда Советов, рассказал конференции об Октябрьской революции в Петрограде. Ф. Голоще-

¹ История гражданской войны в СССР, т. 3, с. 23.

кин одним из первых выдвинул предложение о разрыве коалиции с эсерами и меньшевиками.

«Хорошо помню,— писал он впоследствии,— что встретил возражение со стороны ряда членов комитета, в частности со стороны Сосновского и некоторых других, но был поддержан большинством»¹.

П. Быков, Л. Вайнер, П. Войков, Ф. Голощекин, И. Малышев, П. Хохряков, Я. Юровский и другие большевики на многочисленных митингах и собраниях разъясняли рабочим и солдатам смысл «однородной социалистической власти».

— Большевики все время проводят в жизнь принципы углубления революции в интересах трудящихся. А рядом с нами имеется громоздкая колесница, неустойчивое эсерство, которое тянет революцию назад,— говорил Войков, выступая на одном из собраний.

21 ноября по предложению комитета РСДРП(б) был проведен день Совета. На Верх-Исетской площади состоялась грандиозная демонстрация. Перед ее участниками выступили П. Быков, выбранный 16 ноября на пост председателя Екатеринбургского Совета, и П. Хохряков.

22 ноября «ревком» объявил о самороспуске под давлением трудящихся, которые требовали: «Никаких коалиций!», «Вся полнота власти Совету!».

В резолюции, принятой на солдатском митинге, было указано: «Мы, солдаты Екатеринбургского гарнизона в количестве 2500 человек, выслушав доклады делегатов на II Всероссийском съезде Советов, заявляем, что признаем только власть Советов рабочих и солдатских депутатов, которую будем защищать всеми имеющимися у нас силами. Мы заявляем, что все те, которые пытаются восстать против этой власти, будут стерты с лица земли».

Хотя после Февральской революции Временным правительством и был издан 15 апреля указ о всеобщем избира-

¹ От Февраля к Октябрю (из анкет участников Великой Октябрьской социалистической революции). М., Госполитиздат, 1957, с. 110.

тельном праве в органы самоуправления, тем не менее истинной демократизации там по-прежнему не было.

Екатеринбургская городская дума только 5 ноября, когда прошли новые выборы, стала иметь в своем составе тридцать девять гласных, по-настоящему защищающих интересы трудящихся. Это были А. Авдеев, П. Быков, Л. Вайнер, П. Войков, Ф. Голощекин, И. Малышев, Я. Юровский и другие их соратники большевики.

Советское правительство в первые послеоктябрьские дни наряду с другими декретами издало декрет, который расширял полномочия городских дум в области снабжения трудящихся продовольствием. В ответ на это екатеринбургская буржуазия, со злобой встречавшая любые мероприятия революционного пролетариата, решила сжать в тисках голода уральскую столицу.

— Учти, Петр Лазаревич,— говорил Малышев новому председателю городской думы Войкову (за его кандидатуру подняли руки пятьдесят пять гласных),— что при создавшихся условиях руководить думой будет нелегко...

И тем не менее планы буржуазии провалились. Екатеринбургская дума, возглавляемая большевиками, сумела обменять некоторое количество уральского железа на сибирский хлеб и распределить его по рабочим кварталам.

На одном из заседаний думы Войков заявил:

— В продовольственном вопросе столкнулись два класса. Вы — защитники свободной торговли, и мы! Свободная торговля — это средство поработить нас. Но вам ничего не сделать, ибо население уже поняло, кто виноват... Теперь мы не должны смущаться никакими криками людей, чувствующих, что их царству приходит конец, и во имя свободы добиваться такой экономической системы, чтобы беднота пользовалась всеми благами жизни...

Возникшими трудностями попытались воспользоваться и екатеринбургские анархисты.

Однажды ночью Хохряков и еще несколько красногвар-

дейцев проверяли документы в двухэтажной гостинице «Пале-Рояль», находившейся в самом центре города, на Главном проспекте.

В первых номерах, осмотренных ими, все прошло благополучно: подозрительного не обнаружили. Поднялись на второй этаж. Хохряков постучал в крайнюю дверь. Ее открыл какой-то лысый человек в нижней грязной рубашке и портяных брюках. В глубине комнаты на широкой кровати крепко спал еще один мужчина в одежде и сапогах.

— Ваши документы!

Лысый порывлся в валявшейся сумке и испуганно протянул измятое удостоверение.

Хохряков внимательно изучил его, положил на стол и приказал:

— Садитесь!

Владелец измятого удостоверения робко пожал плечами и молча опустился на стул. Около сразу встал пожилой красногвардеец.

Принялись будить спящего. Тот протер глаза, вскочил с постели и сердито спросил:

— Что такое? Что нужно?

— Документы?

— А вы кто?.. Кто?..

— Начальник Центрального штаба Екатеринбургской Красной гвардии.

— А!.. Хохряков... Очень приятно... Как это я спросонья не разглядел морскую форму,— проговорил неизвестный и, откинувшись к шинели, висевшей на стене, скользящим тихим движением сунул в ближний ее карман руку.

Матрос-красногвардеец Фома Гуня, почуяв недоброе, бросился на него и повалил вместе с шинелью на пол. При слабом электрическом свете блеснул браунинг, неловко зажатый в кулаке неизвестного. Раздался выстрел, пуля врезалась в потолок. Лысый, сидящий на стуле, ойкнув, подпрыгнул.

— Связать обоих! — нахмурился Хохряков.

В этом доме прошли детские и юные годы Павла Хохрякова. Фото 1937 года.

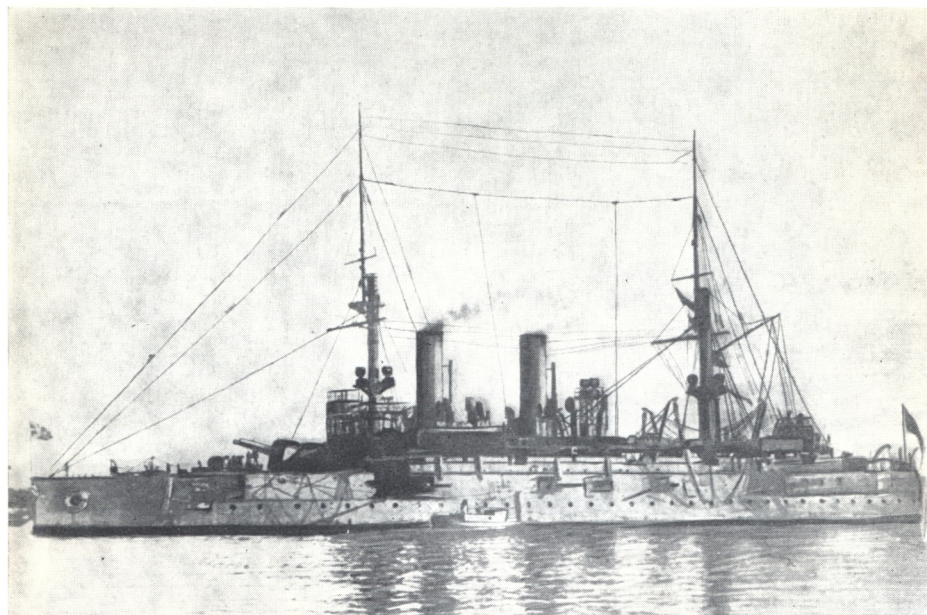

Кочегар линейного ко-
рабля «Император
Александр II» Павел
Хохряков, 1915 год.

Павел Хохряков, 1916 год.

Линейный корабль «Император Александр II», входивший в учебно-артиллерийский отряд Балтийского флота. После Февральской революции по требованию команды был переименован в «Зарю свободы».

Павел Хохряков, май, 1917 год.

На Кафедральной площади Екатеринбурга Павел Хохряков зачитывает воззвание о провозглашении Советской власти. С картины К. Кондрашина.

ПАВЕЛ

ХОХРЯКОВ

Вх 68

Павел Хохряков в Тобольске. Лино-
гравюра Е. Кобелева.

Перед отъездом в Тобольск.
Павел Хохряков, Татьяна Нау-
мова (Теумина) и Константин
Наумов, март, 1918 год.

Плакат времен гражданской
войны.

Памятник Павлу Даниловичу
Хохрякову в Перми.

Гуня грубым рывком поднял неудачливого стрелка и замахнулся было ударить, но Хохряков остановил.

Фома опешил:

— Павло! Он же враг, гадюка...

— Все это так,— спокойно подтвердил Хохряков,— но рукам воли не давай...

Рано утром в Центральный штаб Красной гвардии явились два человека в модных бекешах. Они требовали освобождения арестованных в «Пале-Рояле».

— Вы что же, единомышленники тех? — спросил Хохряков.

— Они, как и мы,— нагло произнес один из пришедших,— члены партии анархистов. Запомните!.. В чем вина наших товарищей?

— Вина их установлена, осталось выявить соучастников. Но за этим дело, думаю, не станет,— ответил Хохряков.

— Это дикое насилие над партией анархистов и над свободными личностями! Мы будем сопротивляться, и город наше сопротивление почувствует... Анархия — великая сила! Под знамя анархии соберется весь рабочий класс. Мы, анархисты, поведем его в грядущие века... Наше руководство...

— Если вы будете терроризировать население и не признаете Советскую власть,— прервал разглагольствование Хохряков,— мы раздавим вас! Так и передайте своему руководству. Товарищ Гуня, проводи их...

Целый день Хохряков допрашивал арестованных, взятых ночью во время облавы. К вечеру он распорядился выставить на улицах усиленные «вахты» и сказал:

— От анархистов любого подарка можно ожидать.

К Хохрякову подошел седоусый красногвардеец Родион Фомич:

— Павел Данилович, вы, наверное, проголодались?

— Потом, потом, Фомич,— дружески отмахнулся Хохряков,— надо вот подумать, кого завтра отрядить в помощь комиссии... Из Совета звонили.

— Какой комиссии, Павел Данилович?

— Будет проверка детских домов, школ, больниц.

— Гуню, Каторгина, Старостина,— бойко предложил Родион Фомич.

— Не подойдут: вид шибко грозный... Мы их ночью на другое дело откомандируем, главарей анархистов потрясем. Пора эту дикую партию призвать к порядку.

К сожалению, «потрясти» анархистов Хохрякову не удалось. Квартиры, о которых ему сообщили арестованные из «Пале-Рояля», оказались пустыми.

Но днем след анархистов все же отыскался. Один из красногвардейских патрулей на Главном проспекте остановил запыхавшийся рыжебородый старик без шапки. Он назвал себя доверенным лицом из Коммерческого собрания и, всхлиывая, заявил, что туда ворвались вооруженные анархисты, разгромили буфет, разогнали публику, отобрали деньги у находившегося в буфете кассира завода Ятеса и стали орать о «реквизиции имущества буржуазных элементов».

Патруль бегом поспешил к Коммерческому собранию. Старик, утирая рукавом слезы, ковылял позади.

Парадные двери были закрыты, над ними на полукруглом балконе стояли два пулемета. Никто не отвечал на стук. Тогда старик предложил провести патруль со двора, с черного хода.

Там тоже пришлось стучать довольно долго. Наконец чей-то сердитый голос спросил:

— Что нужно?

— Мы красногвардейцы! Именем Советской власти требуем открыть нам дверь! — ответил старший патруля.

— Вашей власти мы не признаем, а будете ломиться — получите пулю!

Старший послал одного из красногвардейцев на почту, расположенную против Коммерческого собрания, чтобы позвонить по телефону в Центральный штаб.

Скоро на протекке прибыл встревоженный Хохряков. Выслушав рапорт и сбивчивый рассказ рыжебородого старика, он смело направился к зданию.

— Не подходи! — предупредил старший патруля. — Опасно... Кого-кого, а тебя из окна укокошат.

— А сам же ты подходил! — засмеялся Хохряков и стал стучать в двери прикладом драгунского карабина, который ему одолжил кто-то из красногвардейцев.

На этот раз ответили быстрее:

— Кто такие?

— Я Хохряков! Открывайте!

— Тебя-то тут и не хватало, — с издевкой проговорил тоненький голос, а другой, более низкий, крикнул:

— Долой большевиков! Да здравствует анархия! Здесь теперь наш штаб... Убирайся!

— Ладно, сейчас мы наведем порядок, — шепнул Хохряков и, приказав усилить наблюдение, отправился на почту.

— Свернем за угол. Там безопасней, — посоветовал старший патруля. — А здесь эта сволочь непременно в спину пальнет!

Но Хохряков уже перепрыгнул через низенький деревянный заборчик сквера.

Скоро над городом, всполошив обывателей, надрывались заводские и паровозные гудки, поднимая по тревоге отряды Красной гвардии. Недалеко от кинотеатра «Колизей» (теперь «Октябрь») Хохряков давал указания подоспевшим солдатам, куда поставить пулеметы.

— Для устрашения этой банды, — говорил он, — я вызвал по телефону из артдивизиона орудие. Так мы в Кронштадте во время Февральской революции пугнули городских в участке на Козьем Болоте и слушателей офицерского училища. Стрелять из орудия, конечно, не будем...

Около Хохрякова появился весь увешанный пистолетами, кортиками и кинжалами «идейный анархист» Жебенев. Длинные волосы делали его похожим на попа.

— Товарищ начальник Центрального штаба, — хрипло произнес он. — Вы знаете, я во многом поддерживаю лозунги Советской власти, но тут... Не могу же я выступить против своих братьев по партии...

— Вы, Петр Иванович, не беспокойтесь,— иронически прищурился Хохряков,— и без вас справимся.

Минут через двадцать тяжелая шестерка артиллерийских коней привезла пушку. Темно-зеленое дуло медленно стало подниматься вверх.

«Мы, сжимая винтовки,— вспоминал красногвардеец А. Медведев,— неподвижно лежали на заснеженных камнях мостовой, укрываясь кто за придорожной тумбой, кто за фонарным столбом, а кто и просто в первой попавшейся выбоине».

Хохряков, посоветовавшись с Малышевым и Быковым, по телефону связался с анархистами:

— Я начальник Центрального штаба Красной гвардии. От имени Совета рабочих и солдатских депутатов приказываю сложить оружие, оставить его в Коммерческом собрании и выйти к нам через парадную дверь!

В трубке раздался беспорядочный шум голосов. Кажется, нервы у анархистов не выдержали.

— Что, что? — переспросил Хохряков.

— Мы согласны освободить наш штаб, но с оружием и под партийным черным знаменем. Какие гарантии вы, начальник, даете, что не будете применять никакого насилия?

— Для преступников никаких гарантий у нас нет! — сказал Хохряков.— Сдавайте оружие! Сопrotивление бесполезно... Через пятнадцать минут открываю артиллерийский огонь.

В трубке раздался шум и свист...

Прошло пятнадцать минут. Хохряков вышел из здания почты. Из окон и с балкона Коммерческого собрания по-прежнему грозно смотрели пулеметы анархистов. Но вдруг рядом с одним из них показалась длинная палка, на конце которой развевалась белая скатерть. Затем на мостовую полетели винтовки, пистолеты, ножи, карты, бильярдные шары, карты.

— Сдаются!

Хохряков кинулся бегом через улицу, на ходу выдергивая

из-под башлата наган. Со всех углов бежали красногвардейцы, солдаты.

Задрожала дверь под нетерпеливыми ударами. Тут же за ней что-то упало с грохотом. Видимо, разбирали баррикаду. Наконец обе половины разом распахнулись, и красногвардейцы по широкой лестнице ворвались в большой белый зал. У стен его пугливо жались анархисты. Около карточного стола вытянулись двое мужчин в очках с бледными лицами. Это были главари.

— У кого сохранилось оружие... бросай на пол! — раздался голос Хохрякова.

Анархисты принялись торопливо выполнять приказание. Один из главарей, нервно сняв позолоченные очки, пытался возмущаться, но его прервали:

— Разговоры окончены!

Анархистов заставили поднять руки и выстроиться в одну шеренгу. Хохряков велел переписать их фамилии и под усиленным конвоем отправить в тюрьму.

Так бесславно погас мятеж в Коммерческом собрании...

7 ноября 1920 года в этом здании был торжественно открыт Дом Октябрьской революции. В настоящее время здание реконструировано, и в нем находится Свердловский театр музыкальной комедии.

Приходилось Хохрякову принимать участие и в замене старой милиции времен Керенского новой, рабоче-крестьянской. А в декабре исполнительный комитет Екатеринбургского Совета поставил его во главе отдела по борьбе с контрреволюцией («Уральская жизнь», 1917, 9 дек.). Советская власть в городе по-прежнему была в опасности. Исполкому удалось перехватить телеграмму, в которой говорилось о формировании правозсеровских вооруженных отрядов. Правые эсеры, как и другие представители буржуазных и соглашательских партий, не получив полной поддержки на выборах в Учредительное собрание, готовились к восстанию. И одним из первых действий Хохрякова как руководителя отдела по

борьбе с контрреволюцией был арест лидеров екатеринбургских правых эсеров.

Враги ненавидели стойкого защитника завоеваний Октября. В него несколько раз стреляли из-за угла, пытались воздействовать угрозами. Но ничто не могло сломить боевого духа отважного матроса.

14 декабря в «Уральском рабочем» появилось сообщение:

«Областной комитет РСДРП(б) постановил: предложить товарищу Хохрякову посвятить себя исключительно работе среди солдат, подняв деятельность военной организации».

Последнее было вызвано тем, что Екатеринбургский Совет целиком взял на себя управление всеми военными делами. Еще 24 ноября вышло постановление, где говорилось, что его военный отдел вступает в полное командование гарнизоном. Для этой цели была создана специальная коллегия во главе с Я. Юровским.

Военному отделу приходилось заниматься вопросами демократизации¹ и демобилизации старой армии, временным использованием ее частей в несении караульной и охранной службы. Большую помощь отделу оказывал Уральский областной комитет РСДРП(б). Поэтому Хохрякову и было предложено чаще бывать в частях Екатеринбургского гарнизона и разъяснять солдатам значение тех обязанностей, которые возлагались на них Советом.

Но главную вооруженную силу молодой республики по-прежнему составляла Красная гвардия. И когда над Уралом нависла новая опасность, то первыми на его защиту выступили красногвардейцы.

В южноуральских степях атаман Дутов начал лихорадочно сколачивать добровольческие дружины из богатых каза-

¹ «Демократизация Екатеринбургского гарнизона. Род одежды у всех военных должен быть один. Офицеры должны снять погоны и шашки» («Уральская жизнь», 1917, 9 дек.).

ков, бывших царских офицеров, воспитанников юнкерских училищ, кадетских корпусов и учеников старших классов гимназии. Небольшие, разрозненные отряды красногвардейцев Оренбурга, Троицка, Челябинска не могли противостоять этой армии. Да и боевого опыта еще не хватало.

Во многих городах Урала дутовские агенты организовывали тайные вербовочные пункты. В их задачу входила отправка в южноуральские степи людей, недовольных новой властью.

Казачи в полном снаряжении разъезжались с распавшихся фронтов империалистической войны по своим станицам. В оренбургских же станицах действовали дутовцы. На Екатеринбургском вокзале круглые сутки дежурили усиленные отряды Красной гвардии, разоружая казачьи эшелоны, идущие на восток.

Как-то ранним морозным утром Хохряков и его соратники матросы возвращались с очередной вокзальной «вахты». Миновав завод Ятеса, они стали подниматься в гору по Вознесенскому проспекту (теперь улица Карла Либкнехта) и натолкнулись на мужчину, лежащего без сознания на тротуаре. Хохряков зажег спичку и увидел совсем молодого человека в офицерской шинели. Из-под правого бока растекалась кровавая лужа...

Хохряков приказал осмотреть карманы раненого. Но, кроме письма к женщине, там ничего не нашли. В письме говорилось о какой-то «среде подлых людей», о «каком-то ужасном деле». Офицера на подвернувшейся подводе увезли в больницу.

Через несколько часов он пришел в себя и рассказал дежурившему у его койки матросу Сергею Дьячкову о тайной контрреволюционной организации, связанной с Дутовым, и назвал адреса и фамилии известных ему заговорщиков. Эти заговорщики пытались разделиться с ним за сочувствие к Советской власти.

Хохряков решил провести обыски во всех указанных домах. В одном из них задержали подъесаула, личного ставлен-

ника Дутова. Допрос подъесаула Хохряков вел в штабе Красной гвардии вместе с Ермаковым.

— По какому делу приехали в Екатеринбург? — начал он.

— Разрешите закурить? — попросил галантно подъесаул и, выпустив изо рта клуб дыма, лениво произнес: — Приехал подыскать богатую невесту.

Красногвардейцы, находившиеся в комнате, не могли удержаться от смеха.

— Смеетесь? — огорченно вздохнул подъесаул, кутаясь в облезлую шубу.— Где же вам понять. Мы, офицеры, в настоящее время, так сказать, не у дел. Мой собственный папаша на жизнь не дает ни гроша. Считает меня кутилой и игроком.

— Вы что же, по банку любите бить? — с иронией поинтересовался Хохряков.

— Приходилось иногда, при хорошей карте... Да хорошая карта не всегда идет...

— А сейчас на банк голову поставили? Рассчитывали выиграть, а карта-то оказалась битой... Отвечайте, сколько вам предложил денег за выигрыш Дутов? — и Хохряков сверкнул взглядом.

Подъесаул поспешно докуривал папиросу.

Ермаков напомнил арестованному, как тот позавчера в одном из домов Екатеринбурга (это рассказал раненый офицер) ораторствовал от имени Дутова и с гордостью демонстрировал присутствующим бумагу, подтверждающую его полномочия...

Так, задавая по очереди вопрос за вопросом, Хохряков и Ермаков стали выводить подъесаула на чистую воду. В конце концов он, не выдержав, сдался и назвал адрес основной конспиративной квартиры, где собирались деятели так называемого «Союза фронтовых офицеров».

Поспешив в указанный дом, находившийся около Сенной площади, красногвардейцы осмотрели и столовую, и спальню, и кухню, простукали стены, заглянули за рамы, обща-

риан чуланы и сарай, но ничего не обнаружили. Хозяева же упорно молчали.

Неожиданно внимание Хохрякова привлек тульский самовар, стоящий на кухонном столе. Ему показалось странным: самовар и труба к нему есть, а отверстие для самоварной трубы в печи отсутствует.

По указанию Хохрякова Сергей Дьячков, вооружившись сковородником, принялся за печь. На пол полетели куски известки и глины, и вскоре открылась искусно залепленная дыра. В этой дыре хранились деньги и свертки с документами дутовских заговорщиков...

Мятеж Дутова, как и мятеж Каледина на Дону, таил в себе серьезные последствия для дальнейших шагов Октябрьской революции. И Советом Народных Комиссаров было срочно выпущено обращение ко всему населению о борьбе с Дутовым и Калединым. В нем, в частности, подчеркивалось:

«В то время как представители рабочих, солдатских и крестьянских Советов открыли переговоры с целью обеспечить достойный мир измученной стране, враги народа — империалисты, помещики, банкиры и их союзники казачьи генералы — предприняли последнюю попытку сорвать дело мира, вырвать власть из рук Советов, землю из рук крестьян и заставить солдат, матросов и казаков истекать кровью за барыши русских и союзных империалистов»¹. Одновременно в документе «От Совета Народных Комиссаров — трудовым казакам», принятом по инициативе В. И. Ленина, разъяснялось, что политика Советской власти не идет вразрез с интересами трудового казачества. Скоро для казаков была отменена обязательная воинская повинность.

Декреты и обращения рабоче-крестьянского правительства способствовали мобилизации уральцев на борьбу с дутовщиной. В Екатеринбургe местный Совет и Центральный

¹ Декреты Советской власти, т. I, с. 154.

штаб Красной гвардии экстренно начали формировать специальные отряды против Дутова. Город стал главной базой организации разгрома уральской контрреволюции.

Когда Ермаков призвал рабочих Верх-Исетского завода выступить на защиту завоеваний Октября, то почти все выжились ехать на фронт...

В январе белоказаки, разбитые под Оренбургом, в панике отступили к Верхнеуральску. Из города они даже не сумели вывезти раненых, а на станции бросили трехдюймовые орудия. Сам атаман Дутов едва избежал плена.

С победой вернулся сводный отряд Ермакова. Но дорогой ценой она досталась. Печатая шаг по снежной мостовой, под звуки траурного марша медленно двигались по Екатеринбург красногвардейцы, неся на плечах увитые хвоей и обитые алой материей гробы с телами погибших товарищей.

На Кафедральной площади, где уже собрался народ, процессия остановилась. Здесь, перед постаментом, чернела глубокая братская могила¹.

У чугунной ограды собора, подняв воротники пальто, шептались два человека.

— Штабс-капитан ловко придумал,— говорил тот который выглядел помоложе.— Сейчас, когда будут хоронить убиенных совдеповцев, в самый раз ударить...

— Тише! — предупредил его старший.— А-а... и сам красногвардейский адмирал здесь... Все идет великолепно.

Хохряков, сняв бескозырку, подошел к краю братской могилы и глухим, но твердым голосом начал:

— Последний прощальный привет принесли мы вам, товарищи! Вы отдали за рабоче-крестьянскую власть все, что имели: молодую жизнь свою, и показали, как надо защищать революцию. Спите спокойно, дорогие! Мы не оставим ваше дело и доведем его до конца, до победы...

¹ Позже прах погибших был перенесен на площадь Коммунаров. Сейчас там горит Вечный огонь.

А двое у собора все перешептывались, бросая настороженные взгляды:

— Где же штабс-капитан? Почему нет сигнала?

— Вынуть руки из карманов! Живо! — Заговорщики испуганно обернулись. Красногвардеец в темно-синей шинели пожарного, видимо командир патруля, добавил: — Сопrotивление бесполезно, ваши напарники уже взяты...

Вечером Хохряков допрашивал плотного чернобородого мужчину, одетого в поношенный офицерский китель...

— Я могу отвечать лишь за самого себя, — мрачно твердил чернобородый. — За остальных я не ответчик... Подставленных и запуганных вами дураков знать не имею желания. Вас же, начальник фантастического самозванного штаба, терпеть не могу и разговаривать не имею намерения.

— А мы вас, ваше благородие, — проговорил красногвардеец в шинели пожарного, стоявший у дверей, — тоже не терпим, но разговаривать все же придется...

— Впрочем, настаивать не будем, — спокойно досказал Хохряков. — Только учтите, господин штабс-капитан, нам все известно... Когда, товарищ Синяев, у господина офицера появится желание разговаривать, доложите мне... А оно появится, ручаюсь...

В тот траурный январский день специальный отряд, организованный по инициативе лидера екатеринбургской кадетской партии Б. Кроля, должен был открыть огонь по похоронной процессии. Но накануне верхисетский красногвардейский патруль задержал двух спекулянтов. Задержанные признались, что они и еще «несколько их коллег» завербованы на толкучке каким-то неизвестным чернобородым человеком в «белую гвардию». За согласие принять участие в налете на похоронную процессию (врагам, оказывается, было заранее известно о ней) спекулянты получили как задаток по пятерке и винтовки системы «Гра». Утром на месте сбора им обещали выдать патроны...

Нити заговора были нащупаны, и все заговорщики обезврежены.

Часто Хохрякову с отрядом Красной гвардии приходилось выезжать в те районы Урала, где поднимала голову контрреволюция. Например, в январе 1918 года ему пришлось быть в Шадринске.

С небольшим красногвардейским отрядом и с одним пулеметом появился Хохряков в этом уральском городке. Большевики и эсеры подняли шум:

— Зачем этот отряд! Кому он нужен?

Хохряков с помощью местных большевиков быстро создал красногвардейские дружины из местных рабочих, организовал штаб Красной гвардии. Так Шадринский Совет, где власть в это время перешла к большевикам, получил реальную вооруженную силу. Лозунг шадринских меньшевиков и эсеров «Вся власть Учредительному собранию!» был снят с повестки дня.

«Всякую попытку Учредительного собрания вступить в борьбу с Советами крестьянских, рабочих и солдатских депутатов как органами революционной власти будем рассматривать как посягательство на завоевания революции»¹, — говорилось в резолюции по текущему моменту V Шадринского уездного крестьянского съезда...

В том же месяце нерасторопный уполномоченный Совета не сумел вовремя доставить в Нижний Тагил продовольствие. Этим сразу воспользовалось контрреволюционное подполье, и по городу поползли провокационные слухи.

Однажды морозным утром на центральной площади Тагила собралась разношерстная толпа. Были здесь и кулаки, приехавшие из окрестных деревень, и местные торговцы, и бывшие офицеры, и какие-то подозрительные типы. То там, то здесь слышались приглушенные злые возгласы:

— Подать сюда уполномоченного! Где он прячется?

— Вилы ему в бок!

— Пулю... и весь сказ!

План у контрреволюционеров был продуман с вечера:

¹ Из фондов Шадринского филиала госархива Курганской области.

дождаться появления представителей Совета и представителей комитета РСДРП(б) и всех разом уничтожить. Сделать это поручалось специальной группе террористов.

Когда председатель Совета Добрынин пришел на площадь и стал объяснять, что продовольственные затруднения временные, хлеб на днях в Нижний Тагил подвезут и что причин для тревоги нет, раздался свист и выкрик:

— Как бы не так... Бей Красную гвардию!

И, подстрекаемые провокаторами, собравшиеся бросились к зданию Совета, где помещался и штаб Красной гвардии. Заговорщики понимали, что лишь после разоружения красногвардейцев можно будет действовать по-настоящему.

Красногвардейцы дали холостой залп в воздух... и перепуганная толпа разбежалась.

Из Екатеринбурга со своими помощниками матросами срочно приехал Хохряков. Вместе с членами Нижнетагильского Совета матросы повели широкую разъяснительную работу. Особенно часто Хохряков выступал среди тех тагильчан, которые по несознательности все еще верили вражеской пропаганде. На любой вопрос он давал четкий и ясный ответ. Порядок в Нижнем Тагиле был восстановлен...

Продолжал Хохряков заниматься и юридическими делами. 23 января в газете «Уральская жизнь» появилось сообщение, что его утвердили заседателем Екатеринбургского суда.

В государственном архиве Свердловской области хранятся документы с автографами Хохрякова. Обычно он подписывался так:

«Начальник Центрального штаба Красной гвардии матрос Хохряков».

Рядом ставил круглую печать «Центральн. штаб Красн. Гвард. г. Екатеринбург.» с двумя перекрещенными винтовками посередине. Многословием в своих бумагах Хохряков не отличался. Вот образец его короткого донесения:

«В следственную комиссию.

Центр. штаб Красн. гвардии препровождает к вам мили-

ционера 2-й части Владислава Якович, агитировавшего против записи в ряды Красн. Армии и против Красн. гвардии. Вместе с ним отсылаю свидетеля тов. Складиса».

Имеются в архиве и акты, подписанные Хохряковым. Например, 19 декабря 1917 года он и Голощекин в доме № 46 по Вознесенскому проспекту реквизировали три чемодана золота и передали его на хранение в отделение Екатеринбургского государственного банка¹.

Трудящиеся Екатеринбурга обращались к Хохрякову с разными личными просьбами и как к члену исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов. По мере сил и возможностей он старался выполнить их. Однажды к нему поступила жалоба шести германских военнопленных. Военнопленные писали, что некий Липатов, у которого они работали, ликвидировав свое деревообделочное предприятие, отказался произвести с ними расчет.

Хохряков вызвал к себе Липатова:

— Почему вы не хотите рассчитать ваших рабочих так, как положено законом?

Липатов угрюмо молчал, уставившись в потолок.

— Хорошо. Направим ваше дело в следственную комиссию.

— В следственную комиссию?!

— Да! Вы нарушаете постановление профсоюза. Там выяснят, почему вы это делаете...

Как ни пытался вялить Липатов, но заплатить пришлось, и Хохрякову вскоре сообщили из Екатеринбургского комиссариата труда, который возглавлял Малышев, что военнопленные получили деньги.

В редкие часы отдыха Хохряков любил бывать среди молодежи. С ней он мог посмеяться, пошутить, лихо отплясывал «яблочко» и показывал так называемый «гусиный шаг». Этот «гусиный шаг» выглядел в его исполнении очень

¹ Госархив Свердловской области, ф. 56-р, оп. 1, д. 32, л. 25.

забавно. Тащуща вприсядку, Хохряков далеко вперед выбрасывал ноги и как бы загребал ими по полу. Многие присутствующие пытались сделать так же, но у них ничего не выходило. Из песен Хохрякову больше всего нравилась «Гибель «Варяга». Он признавался, что всегда волнуется, когда слышит эту песню, и переживает за ее героев.

По словам матроса А. Старостина, Хохряков неплохо играл на гармонии. Однажды как-то сказал:

— Здесь, на Урале, народ веселый живет. А у нас, на моей родине, в Вятской губернии, мало веселья. Бедно там, очень бедно...

Особенно близко подружился Хохряков с братом и сестрой Наумовыми. Таня Наумова стала впоследствии его верным помощником во многих опасных делах.

«С Павлом Хохряковым,— вспоминает Константин Ильич Наумов,— я познакомился в Екатеринбургском городском комитете партии. Здесь мы почти ежедневно собирались для поручений и для получения свежей агитационной литературы. Хохряков говорить много не любил, но любое порученное дело выполнял со всей революционной страстью.

В бурные и тревожные дни Октября мы с ним иногда мечтали о том времени, когда не будет вообще «контры» и будет царствовать мирный труд...

Помню, раз ночью, а жили мы тогда с Павлом на окраине города, нас разбудил набат. Наскоро одевшись, я и Павел выскочили во двор и увидели на черном небе багровые отблески пожара где-то в центре города. Быстрыми шагами мы шли по пустынным улицам, скупно обмениваясь словами. Невольно возникло подозрение, что это происки контрреволюции.

Горел бывший Монетный двор. Оставив меня около пожарной машины, Павел сразу скрылся где-то в дыму пожара. Оказывается, он пытался выяснить, откуда занялся огонь и нет ли там каких-либо следов врага.

Пылали высокие стропила и с треском рушились, но Павла это не смущало. Затем он организовал охрану негоря-

лой части Монетного двора и вместе с подоспевшими рабочими и красногвардейцами боролся со стихией огня».

Хотя полки Дутова, Каледина и других белых «вождей» и были изрядно потрепаны в зимних боях, но уже становилось ясно, что для борьбы с контрреволюционной опасностью Советской республике нужна более мощная и более правильно организованная воинская сила, чем Красная гвардия. И Совет Народных Комиссаров принял 15 января 1918 года Декрет о создании регулярной Красной Армии. Правда, день рождения Красной Армии отмечается советским народом начиная с 1919 года 23 февраля, так как в этот день молодые красноармейские соединения остановили под Псковом и Нарвой продвижение кайзеровских дивизий.

Тем основным ядром, вокруг которого начали вырастать первые отряды Красной Армии, по существу, стали красногвардейские отряды.

«До середины марта 1918 года,— вспоминал К. Наумов,— Хохряков был начальником Центрального штаба резерва Красной Армии Екатеринбурга. На этом поприще его усилия были направлены на дело организации на Урале Красной рабочей гвардии. Плоды его работы в этой области закреплены на происходившем в январе месяце съезде представителей красногвардейских организаций Урала, переименованных позднее в резерв Красной Армии...»

Съезд Красной гвардии созывался в конце января по решению III Уральской областной конференции РСДРП(б), которая ставила перед ним задачу «объединить существующие единицы, увеличить, расширить и централизовать всю рабочую гвардию в боевую единицу — Уральский областной корпус Красной гвардии»¹. Руководил этим съездом Хохряков. Съезд (он именовал себя конференцией) принял следующую резолюцию:

¹ Большевики Урала в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции. Сборник документов и материалов. Свердловск, Свердловское кн. изд-во, 1957, с. 278.

«Первая областная конференция Красной гвардии Урала находит необходимым скорейшее создание социалистической армии. Конференция приветствует Совет Народных Комиссаров и I Всероссийский съезд по демобилизации за их почин по созданию социалистической армии, которая только одна способна бороться за развитие социалистической революции и за полное освобождение рабочих и крестьян от гнета капиталистов и помещиков. Да здравствует новая социалистическая армия!»¹

Кроме того, съезд вынес постановление о зачислении уральской Красной гвардии в резерв создаваемой Красной Армии. Задачи резерва были определены так:

«Резерв Рабоче-Крестьянской Красной Армии является вооруженной социалистической армией уральского пролетариата и беднейшего крестьянства и имеет своей целью:

а) стоять на страже власти Советов рабочих и крестьянских депутатов и созданных ими центральных и руководящих учреждений;

б) охранять завоевания революции и вооруженной рукой бороться за великие идеи социализма».

— Большевики,— говорил на съезде Красной гвардии Хохряков,— предлагают создать армию с твердой дисциплиной и единым руководством.

Эсеры и меньшевики выступили против организации регулярных вооруженных сил. Лидер екатеринбургских эсеров Хотимский развивал теорию вольного крестьянского энтузиазма. Он считал, что достаточно мелких крестьянских партизанских отрядов, чтобы бороться с контрреволюционерами. Особого командования этим отрядам не требуется: в бой их поведет энтузиазм. Меньшевики же доказывали, что народ устал от войн, а большевистские руководители, дескать, стремятся развязать новую войну, гражданскую.

— Все спорные вопросы,— убеждали они,— можно ре-

¹ Партийный архив Свердловского обкома КПСС, ф. 41, оп. 1, д. 771, л. 9.

шить мирным путем, путем переговоров между различными партиями и между различными слоями населения.

«Мы не верим в пулеметы»,— писала меньшевистская «Уральская рабочая газета».

Эти лозунги о «крестьянском энтузиазме» и о «сплоченности народа» практически отвлекали трудящихся Урала от решения задачи строительства Красной Армии.

В январе в Екатеринбурге проходил III Уральский областной съезд Советов. 119 делегатов из 148 были членами РСДРП(б). Съезд единогласно одобрил внешнюю и внутреннюю политику, которую проводило Советское правительство. По докладу Малышева было принято решение об объединении Пермской, Уфимской, Вятской и Оренбургской губерний в единую Уральскую область.

Также одним из важнейших вопросов съезда явилось, как подчеркивал в своем докладе Ф. Голощекин, «создание социалистической армии». И в резолюции по его докладу было сказано, что решать эту задачу могут только Советы рабочих, солдат и крестьян...

В руках областного Совета находилась теперь вся исполнительная власть и определялась вся линия советской работы на Урале. Заседания по вопросам политическим, финансовым, продовольственным, военным проходили почти ежедневно. Екатеринбургская городская дума была распущена.

Хохряков вместе с Голощекиным вошел в коллегия, которая руководила военным отделом, или, как его еще называли, комиссариатом по военным делам.

2 февраля в «Известиях Уралобласта» было напечатано:

«Областным комиссариатом по военным делам опубликован за подписью Голощекина и Хохрякова приказ Пермскому, Екатеринбургскому, Челябинскому и Уфимскому Советам срочно приступить к организации окружных военных отделов, в которых сосредоточить управление всеми военными силами округа, взять на учет все имеющееся в округе

оружие, обмундирование, снаряжение, инженерное и прочее имущество полков, рот, гарнизонов и т. д.».

Созданием на местах военно-административного аппарата областной комиссариат по военным делам и начал свою деятельность. Окружным отделам предстояло вести агитационно-вербовочную работу по привлечению добровольцев в Красную Армию, заниматься политическим воспитанием бойцов, подбирать командиров, заботиться о вооружении, о снабжении. Красная гвардия, ставшая резервом Красной Армии, расширяла ее вербовочную базу. Ведь красногвардейцы были подготовленные в боевом отношении люди, многие из них уже воевали на дутовском фронте.

Правда, распустить Красную гвардию сразу было, конечно, нельзя: строительство Красной Армии только-только начиналось. Но нельзя было и механически зачислять всех красногвардейцев в ее ряды. Военным делом они занимались, как известно, в основном без отрыва от производства, в свободное время. Такая милицейская система не требовала, чтобы красногвардейцы надолго покидали свои места на фабриках и заводах. Если бы их перевели на положение кадровых военнослужащих, то уральская промышленность могла лишиться квалифицированной рабочей силы. Однако на создание частей Красной Армии нужны были деньги, и притом немалые. Советская власть на Урале ими тогда не располагала. И Хохряков предложил обложить специальным налогом местных богатеев. Предложение его приняли.

«Взимание обложения с капиталистов поручить Центральному штабу Красной гвардии», — говорилось в постановлении исполкома Екатеринбургского Совета по этому поводу.

Сумму налога «на нужды Красной Армии» определили в десять миллионов рублей...

Но в военном отделе Хохряков находился недолго. В середине марта ему дали новое задание, а вместо него назначили С. Анучина, прибывшего на Урал по предписанию Народного комиссариата по военным делам. Начальником же штаба резерва Красной Армии стал Украинцев.

Это был стальной воли человек, революционер с головы до пят. Вне революционной работы для него ничего не существовало... Всегда ровный и в обстановке кабинетной работы (а такую он выполнял, будучи председателем исполнительного комитета Тобольского Совета, и выполнял с большой выдержкой и вдумчивостью), и в боевой обстановке, с твердым, спокойным голосом, со стальным взглядом своих серых глаз.

И. Коганицкий.

Хохряков (Из сб.: Памятник борцам пролетарской революции, погибшим в 1917—1921 гг.)

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Таня Наумова была секретарем профессионального союза деревообделочников. Помещался союз деревообделочников на Златоустовской улице (ныне улица Розы Люксембург) в одном доме с союзом металлистов, в котором работала и Анна Николаевна Бычкова, член РСДРП(б) с 1906 года, дружившая с Таней Наумовой.

«Однажды,— вспоминала Анна Николаевна,— я зашла к Тане. В комнате вместе с ней был Хохряков. Он смеялся, шутил и одновременно помогал Тане собирать вещи. Хохряков и Таня, оказывается, уезжали. Но куда?.. Лишь позднее мне стало известно, что в Тобольск...»

На северо-востоке Урала, на высоком берегу Иртыша, приютился небольшой старинный город Тобольск, бывший губернский центр. Оторванный от железной дороги и промышленных районов, Тобольск жил по-старому: бурные события Октября его, по сути дела, не коснулись.

Пролетариат в Тобольске был малочисленный. Купцы, рыбопромышленники, отставные чиновники и духовенство (по соседству с городом находилось два монастыря) по-

прежнему продолжали влиять на умы обывателей. В Совете власть почти целиком принадлежала меньшевикам и эсерам.

Но Тобольск вдруг стал привлекать внимание многих. Здесь, в восемнадцатикомнатном каменном двухэтажном доме, где до Февральской революции была резиденция губернатора Орловского-Танаевского, теперь обитал со своей семьей последний «император и самодержец всея Руси» Николай Романов. Его направило сюда в ссылку еще Временное правительство.

Вместе с бывшим царем, доставленным в Тобольск под японским флагом, прибыл отряд хорошо вооруженных (имелись даже пулеметы) отборных гвардейских солдат. Командовал ими ярый монархист полковник Кобылинский. «Наблюдать» за Николаем II должен был и комиссар Временного правительства.

Перед отправкой Николая Романова Керенский наказывал Кобылинскому:

— На вас возложена весьма ответственная миссия. Не забывайте, господин полковник, что это бывший российский император. Его семья ни в чем не должна нуждаться.

Новое местожительство экс-императора мало чем отличалось от Зимнего или Царскосельского дворца: богатая обстановка, вывезенная из Петрограда, многочисленная прислуга, крупные денежные суммы, прихваченные при отъезде в Сибирь,— все это позволяло создать царской семье полный комфорт.

В гостиницах Тобольска разместились царские придворные: граф Татищев, князь Долгоруков, графини Гендрикова, Шнейдер и другие. В особняке купца Корнилова расположились солдаты-охранники. Октябрьская революция уже свершилась. Но даже и после нее они продолжали носить погоны. Пример им подавали Николай II и полковник Кобылинский.

«Кому на Руси жить хорошо» — так называлась статья, рассказывающая о жизни Романовых в Тобольске. Опубликована она была 29 октября 1917 года в газете «Уральский рабочий».

В тобольских соборах и церквях по распоряжению епископа Гермогена молились за здоровье бывшего царского дома. Каждый раз вокруг церкви, которую посещали Романовы, собирались «верноподданные» и требовали «допустить их в храм».

Деятели местного Совета вначале не вмешивались в «царские дела» и предпочитали не показываться вблизи бывшего губернаторского дома. Правда, позднее они все-таки рискнули объясниться с Кобылинским, заявив ему:

— Нам кажется, гражданин полковник, что для охраны царской семьи ваш отряд недостаточно надежен. Не лучше ли затребовать охрану из Екатеринбурга или из Омска.

Кобылинский на это безапелляционно ответил: о замене отряда не может быть и речи. И даже пригрозил:

— Если об этом узнают мои солдаты, последствия для вас могут быть самыми неблагоприятными...

Между тем Тобольск и его окрестности наводняли заговорщики-монархисты. В своей борьбе с Советской властью они делали ставку на низложенного царя и готовились к организации его побега за границу через Обскую губу. Осуществление плана намечалось на весну, когда вскрыются реки.

Особенную активность по подготовке побега царской семьи проявлял поручик Борис Соловьев, зять Григория Распутина. Инструкции и деньги он получал из монархического союза, который возглавляла бывшая царская фрейлина Вырубова. Охранной грамотой служил ему мандат на право «организации лесной компании в Тобольской губернии».

Создавшаяся тревожная обстановка требовала самых решительных действий. Еще 10 декабря 1917 года на III Западно-Сибирском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов большевик Доронин обратил внимание на «беспорядочность» бывшего царя и поднял вопрос о более бдительной его охране. Но Доронина заверили, «что согласно разговору по прямому проводу с комиссаром, командированным из Омска следить за настроением жителей Тобольска по отноше-

нию к Николаю II, охрана дворца Романова строгая и опасения о возможности бегства бывшего царя неосновательны»¹.

Президиум Уральского областного Совета по указанию Якова Михайловича Свердлова решил перевести семью Романовых в более надежное место, в Екатеринбург. Для проведения этой операции была выделена специальная тройка, которую возглавил Б. Дидковский, заместитель председателя Уралсовета. Выполнение поручили Павлу Хохрякову...

— Надо срочно отшвартоваться,— сказал Хохряков Тане Наумовой.

— Где-нибудь кулацкое восстание?

— На сей раз нет... Слушай внимательно. Поедут Авдеев, Логинов, Заславский, я, ты и еще несколько товарищей. Курс на Тобольск.

— На Тобольск?

— Да. Кстати, там ведь недалеко живут твои родственники. Отправимся, будто мы жених и невеста, пусть принимают гостей.— Таня удивленно посмотрела на Хохрякова, а он продолжал: — Романовым готовят побег. Есть приказ доставить их сюда.

— Но почему мы должны говорить, что едем в гости к родственникам?

— Ну давай всем рассказывать.— улыбнулся Хохряков,— что едем в гости к его бывшему императорскому величеству... Понимаешь, если пошлем солидный вооруженный отряд, слухи нас обгонят, и, возможно, их величество на месте не застанем. Надо, чтобы никто ничего не знал... Я уже себе серый в клеточку пиджак заготовил, морскую форму придется пока спрятать...

Перед отъездом Таня Наумова, Костя Наумов и Павел Хохряков надумали сфотографироваться.

— На всякий случай,— сказал Хохряков.— Во время нашей экспедиции может произойти многое.

¹ Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии. Сборник документальных материалов. Свердловск, Средне-Уральское кн. изд-во, 1967, с. 128.

И в одно из мартовских воскресений друзья отправились в фотографию «Энерго» на Покровском проспекте (ныне улица Малышева), так как считали, что та фотография самая лучшая.

— Очень хорошо, что осталась память тех незабываемых дней,— говорит сейчас Константин Ильич Наумов.

Во второй половине марта группа уральцев во главе с Павлом Хохряковым выехала из Екатеринбурга в Тобольск. Одновременно на северные дороги были направлены красногвардейские заставы. В их задачу входило предотвратить возможность побега Романовых, если бы они вздумали скрыться, не дожидаясь весны...

Перед Тобольском уральцы разделились. В город пробирались поодиночке: кто под видом скупщика, кто под видом местного крестьянина, кто в поисках работы.

Позднее один из участников той экспедиции, Александр Авдеев, писал:

«Приехав в Тобольск, наш маленький отряд наметил вначале четыре основные задачи: удостовериться в наличии Николая Романова в бывшем губернаторском доме, выяснить настроение солдат — охраны царя; войти в связь с местной руководящей властью меньшевиков и эсеров; ознакомиться с настроением местных рабочих (консервная фабрика, лесопильный завод, зимовка пароходов) и взять их под свое влияние. Для выполнения этих задач отряд разбился на небольшие группы, чтобы легче было действовать...»¹

Надо сказать, что настроение рабочих Тобольска — их насчитывалось в те годы человек шестьсот — было по-настоящему большевистским. Тобольский пролетариат был готов немедленно же свергнуть меньшевиков и эсеров. Исключение составляла только команда шхуны «Св. Мария», стояв-

¹ Воспоминания А. Авдеева. «Красная новь», 1928, № 5, с. 188. См. также: Захаров С. Последний путь последнего царя. «Октябрь», 1967, № 3, с. 204.

шей на зимовке. Как впоследствии выяснилось, именно на этом судне монархисты думали переправить Николая за границу, в Англию.

— У всех, у кого рука в мозолях,— говорил Хохряков тобольским рабочим,— у кого сердце горит ненавистью к кровавому царю, к купцам, помещикам, капиталистам и всяким богатым,— всех тех мы зовем под свои знамена. Потому что нет для большевиков высшей доли, чем служение народу, делу рабочих и крестьян, чем свобода и счастье тех, кто живет своим трудом, своим горбом. Мы, большевики, сейчас каждый день находимся в объятиях смерти. Но мы будем драться до победного конца с теми, кто поднимает руку на революцию, на нашу революцию...

За бывшим губернаторским домом по приказанию Хохрякова велось усиленное наблюдение. Было установлено, что царя ежедневно навещают какие-то люди в штатской одежде.

Хохряков решил познакомиться с кем-нибудь из часовых.

— Ты кого тут, дядя, охраняешь? — заговорил он однажды с солдатом, стоявшим с винтовкой около дома губернатора.

Гвардеец Преображенского полка с высоты своего роста презрительно посмотрел на блондинистого парня:

— Проходи, проходи, а то аккурат огрею прикладом.

— У, какой сердитый! А на сердитых-то воду возят.

— Часовому беседовать не положено! — гаркнул гвардеец.

— А почему с особой прекрасного пола ты только что беседовал?

Гвардеец, уличенный в нарушении устава, уже более примирительно сказал:

— То знакомая моя, как не побеседовать...

— Я вот недавно в Тобольске,— издали начал Хохряков.— Дружков пока нет... Скука...

— Вином угостишь? — шепотом спросил солдат.

— Пожалуйста. Когда с поста-то сменишься?

— Лебедев! — раздался строгий голос.

Гвардеец и Хохряков мгновенно оглянулись. Лебедев четким приемом взял винтовку «на караул». На крыльце, натягивая перчатки, стоял полковник Кобылинский.

— С кем ты тут? — спросил он. — Что за человек?

— Да так, — объяснил Хохряков. — Приезжий я... Спрашивал, как пройти к базару...

— Нечего у часового спрашивать! — спускаясь с крыльца, отрезал Кобылинский. — Проходи!

Хохряков, пожав плечами, удалился с независимым видом. Подозрительно глянув ему вслед, Кобылинский сказал преображенцу:

— А ты, Лебедев, устав караульной службы забыл? С посторонними разговариваешь! Тебе, что, плохо здесь? Сыт, одет, обут, бабой обзавелся... Сдашь пост Кононкову — и на сутки под арест.

— Ладно, ладно! — вдруг огрызнулся солдат. — Нынче не старый режим! Я ведь тоже кой-чего кумекаю...

Вечером полковник жаловался Николаю Романову:

— Ваше императорское величество! Какие-то люди в городе подбивают население переизбрать местную власть. Вы знаете, что в составе охраны настоящие мужики, но и они начинают заражаться опасным дьявольским духом неповиновения. Сегодня мне нагрубил часовой.

— Надо терпеть, — смиренно произнес Николай. — Да поможет воля божья... У меня к вам, дорогой Евгений Степанович, маленькая просьба: передайте срочно это письмо владыке Гермогену.

Кобылинский не зря волновался. Еще в конце января солдаты сняли погоны и потребовали, чтобы их примеру последовали и сам царь и начальник охраны. Кобылинский пугал своих подчиненных английским королем и германским императором, двоюродными братьями Николая Романова. Но солдаты оказались не из трусливых. Пришлось и царю и полковнику с погонами расстаться. Правда, бывший царь, когда находился в своих комнатах, гимнастерку или китель с погонами все же надевал.

В отряде росла группа недовольных действиями Кобылинского и его ближайших помощников. Возглавлял ее подпрапорщик Матвеев. Среди гвардейцев он вел революционную агитацию.

Одному из соратников Хохрякова, рабочему из Екатеринбурга со Злоказовского завода, Ивану Логинову удалось подружиться с двумя солдатами охраны, и они доверительно шепнули:

— Скоро, слышь, мы и все наши по домам.

— Почему это по домам? — осторожно допытывался Логинов.

— Вода пойдет... и охранять будет некого...

Хохряков сразу же сообщил об этом разговоре в Екатеринбург и попросил прислать надежный красногвардейский отряд — пятьдесят-шестьдесят уральских рабочих. А чтобы сбить с толку заговорщиков-монархистов, был пущен слух, будто бы в окрестностях появился тысячный большевистский полк. Обыватели не преминули разнести слух о «несметных силах» большевиков.

Опираясь на революционно настроенных рабочих города и красногвардейские отряды, прибывшие из Екатеринбурга и Омска, Хохряков и его товарищи решили провести перевыборы Совета и изгнать оттуда меньшевиков и эсеров.

29 марта в Народном доме (ныне драматический театр) прошел многолюдный митинг, на котором выступил Хохряков. А через четыре дня был образован временный Тобольский комитет РСДРП(б), членом его стала и Т. Наумова. Раньше местные большевики входили в состав объединенной организации вместе с меньшевиками и эсерами.

Временный комитет РСДРП(б) провел митинг, посвященный предстоящим перевыборам Совета, и 6 апреля они принесли победу большевикам и их сторонникам. В тот же день состоялось первое заседание нового Совета, и из ста пятидесяти трех депутатов за большевистский состав президиума исполкома голосовало восемьдесят шесть.

9 апреля председателем исполнительного комитета Тобольского уездного объединенного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов был избран Павел Хохряков. Депутатами Совета стали и приехавшие с ним из Екатеринбургa А. Авдеев и С. Заславский.

За подписью Хохрякова вышло постановление:

«Исполнительный комитет Совета рабочих и крестьянских депутатов настоящим доводит до сведения рабочих, крестьян и прочих граждан учреждений и организаций.

Вся хозяйственная, административно-политическая и военная власть как в городе, так и в уезде перешла в его ведение.

Все приказы, постановления и другие распоряжения без санкции председателя и секретаря исполнительного комитета недействительны.

Весь служебный и технический персонал, занятый в общественных, государственных, городских и уездных учреждениях, обязан оставаться на занимаемых местах.

Всякая попытка срыва или прекращения текущей работы без ведома Совета отдельными лицами отделов, учреждениями и предприятиями будет рассматриваться как саботаж. Виновные будут преданы революционному суду.

Всем учреждениям местного самоуправления, уездных и волостных земств и других общественных организаций и отделов, таких, как милиция, продовольственные управления, местные и районные, предписывается представить список штатов в исполком Совета рабочих и крестьянских депутатов в течение трех дней.

Всякая попытка к каким бы то ни было беспорядкам будет подавляться самым решительным образом.

Настоящее постановление вступает в силу со дня опубликования.

Апрель 9 дня 1918 г.»¹

¹ Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии. Сборник документальных материалов, с. 168.

В то же время в здании духовного училища, где разместились екатеринбургский и омский отряды, началась записка тоболяков в Красную гвардию. Одну из комнат училища занял временный большевистский комитет.

21 апреля в Марининской женской гимназии (теперь средняя школа № 1) прошло первое общегородское собрание тобольских большевиков. На собрании было семьдесят человек. С докладом о работе временного комитета за его девятнадцатидневное существование выступила Т. Наумова. Затем состоялись выборы в постоянный комитет¹. Участники собрания ознакомились и с первым номером местной большевистской газеты «Известия».

Редактор газеты И. Коганицкий в сборнике «Памятник борцам пролетарской революции» вспоминал о Хохрякове:

«В бытность его председателем Совета ему пришлось вести переговоры с буржуазией, обложенной контрибуцией, и когда к нему привели особенно богатого и особенно упорствующего рыбопромышленника Туркова,— он не хотел платить причитающееся с него и оскорбительно относился к Совету,— товарищ Хохряков так посмотрел на него, столько ненависти светилось в его стальном взгляде, что с храбrivшегося буржуа сразу слетел весь его апломб и он буквально съежился под огнем его глаз».

Городская дума и земство были распущены. В исполкоме стали действовать отделы труда, продовольственный, народного образования, военный и т. д. Председателем созданного Тобольского революционного трибунала назначили большевика Н. Дегтярева.

Под наблюдением нового Совета теперь находился губернаторский дом и охрана бывшего царя. «Комиссар» Панкратов к этому времени со своим помощником Никольским уже

¹ Через месяц, 22 мая 1918 года, в «Правде» появилась информационная заметка об этом собрании: «Организация растет. Окончательно сконструировался комитет Российской коммунистической партии (большевиков). Комитет существует на средства рабочих. Предполагается издание листовок по текущему моменту».

были отстранены. Отстранили их сами гвардейские солдаты из отряда Кобылинского.

Хохряков лично убедился, что Романовы на месте. Рассказывая Т. Наумовой о посещении губернаторского дома, он удивлялся, что Николай вел себя слишком беспечно, был весел и задавал глупые вопросы. Видимо, бывший царь надеялся на скорое освобождение. Зато его жена Александра Федоровна и не пыталась скрыть свою ненависть.

Тобольский продовольственный комитет выдал царской семье продовольственные карточки. Они были выписаны на имя Николая Романова, и в графе «должность» значилось: «экс-император». Бывшему царю запрещалось пользоваться денежными средствами из банков.

В двадцатых числах апреля в город прибыл кавалерийский отряд из рабочих Симского округа во главе с комиссаром Яковлевым-Мячиным. Яковлев предъявил Хохрякову мандат особоуполномоченного ВЦИК на «изъятие» Николая Романова из Тобольска. Еще на перроне тюменского вокзала с этим отрядом встретился Авдеев, которого Хохряков командировал в Екатеринбург, чтобы он лично проинформировал членов Уралсовета о положении в Тобольске и «добился директив по вопросу об увозе бывшего царя в такое место, где побег ему был бы невозможен».

Яковлев предложил Авдееву вернуться обратно, пробещав, что Романовы будут забраны из Тобольска немедленно.

— А куда,— таинственно добавил он,— пока не знаю. Жду указаний по телеграфу из Москвы...

Поздняя северная весна вступала уже в свои права, реки начали вскрываться, дороги портились. С эвакуацией царской семьи следовало поспешить, чтобы не застрять в распутицу. Да и кулаки тобольских деревень, как выяснилось, готовы были оказать помощь монархистам, если бы те вздумали устроить царю побег в станицы сибирских казаков...

Комендантом бывшего губернаторского дома, который теперь переименовали в «дом заключения», назначили Авдеева. Вспоминая о своем назначении, он писал:

«На следующий день после приезда Яковлева мы с ним направились в «дом заключения». У ворот дома нас ждал полковник Кобылинский, он был уже осведомлен, кто такой Яковлев, и успел с ним накануне еще познакомиться.

Когда мы поднялись с Кобылинским во второй этаж, он попросил нас несколько задержаться в передней, а сам пошел доложить бывшему царю. Через минуту-две вернулся и передал, что царь просит войти. Мы вошли, и перед нами предстала такая картина: в большом зале бывшего губернаторского дома, выстроившись чуть не в шеренгу, стоят четыре дочери бывшего царя, сбоку от них сидит его жена Александра Федоровна, а впереди всех — Николай. Алексея¹ в этой комнате не было — он лежал больной.

Взяв под козырек, Кобылинский отрекомендовал Яковлева как уполномоченного ВЦИК по охране семьи бывшего царя.

Николай подошел к Яковлеву и протянул руку, и, к нашему изумлению, тот подал ему в свою очередь руку, и они обменялись приветствиями.

Яковлев также поклонился семье, и все дочери, как по команде, присели, а Алиса (жена бывшего царя) сделала величественный кивок в нашу сторону»².

Царской охране предложили покинуть «дом заключения» и сдать посты красногвардейцам.

«Получилась очень разительная картина,— продолжал Авдеев.— Происходило это на площадке бывшего губернаторского дома.

С одной стороны выстроился взвод саженных красавцев преображенцев, одетых как один в лучшее обмундирование, во главе с изящным, высокого роста офицером.

С другой стороны — напротив этого взвода — выстроилась наша братва красногвардейцев, одетых как пришлось, во что попало: кто в засаленном полшубке, кто в штатском

¹ Алексей — сын Николая II, бывший наследник престола.

² Воспоминания А. Авдеева, с. 191.

пальто, кто в старенькой шинельке и т. д. Большинство было в больших старых серых подшитых валенках.

Оружие у нас также не блистало однообразием... Не приходилось говорить и о ранжире: рядом с саженым Костей Украинцевым, слесарем, всегда стоял токарь со Злоказовского завода Ваня Крашенинников, ростом чуть ли не до пояса Украинцеву, и разъединить их было нельзя. Надо было видеть, какое изумление было у полковника Кобылинского»¹.

Однако поведение Яковлева вызывало у Хохрякова и у остальных уральцев все большее и большее подозрение. Яковлев по-прежнему был приветлив с Романовыми и упорно отмалчивался, если его спрашивали, куда и когда повезут бывшего царя. Хохряков не раз напоминал ему, что заговорщики-монархисты предпримут не одну попытку освободить Романовых, что тобольские рабочие волнуются и требуют отправить царскую семью в более надежное место.

Хохрякова поддерживали все большевики, и Яковлев после некоторых колебаний был вынужден согласиться на отъезд. Решили, что в первой партии отправятся бывший царь, бывшая царица и дочь их Мария. Оставшихся членов царской семьи вывезут позднее. Дополнительно в отряд Яковлева включили и уральских красногвардейцев, что Яковлеву не очень-то понравилось.

Из Екатеринбурга пришла телеграмма: Романовых там ждут. Однако Николай II, узнав об отъезде, начал протестовать. Пришлось прямо намекнуть экс-монарху: если он не поедет добровольно, его принудят силой и не позволят никого брать с собой.

— Я бы тронулся в любое место, только не на Урал,— заявил, оправдываясь, бывший царь.

Но когда ему сказали, что не все ли равно, куда ехать, раз везде в России Советская власть, Николай пояснил, почему он против Урала.

— Мне на Урале жить не хочется. Судя по тобольским

¹ Воспоминания А. Авдеева, с. 191.

газетам, уральские рабочие против меня резко настроены...

По дороге из Тюмени Яковлев неожиданно для всех, ссылаясь на телеграфные переговоры с Москвой, решил направить поезд, в котором находился Николай Романов, не в Екатеринбург, а на юго-восток, в направлении Омска.

Авдееву, который следовал теперь вместе с его отрядом, он заявил:

— Достоверно известно, что уральцы готовили взрыв поезда, поэтому я вынужден ехать в другую сторону.

Но ничего из этого маневра не вышло: о действиях Яковлева вскоре по телеграфу известили центр и Екатеринбург. На станции Куломзино его поджидала телеграмма Уралсовета: эшелону приказывалось следовать в Екатеринбург и предупреждалось, что если Яковлев не повернет на запад, местные власти обязаны будут задержать или взорвать царский поезд.

Члены Уралсовета знали о приказе Свердлова, который Яков Михайлович собирался отдать Яковлеву. В том приказе говорилось:

«Немедленно двигаться в Тюмень. С уральцами договорились — приняли меры, дали гарантии, передай весь груз в Тюмени представителю областкома Уральского. Так необходимо. Поезжай сам вместе. Оказывай полное содействие представителю. Задача прежняя»¹.

Из попытки Яковлева выкрасть и спасти семью Романовых ничего не получилось...

30 апреля Авдеев, прибывший вместе с отрядом Яковлева и бывшим царем в Екатеринбург, рассказал на заседании Уральского облизполкома о поведении уполномоченного ВЦИК. Принятая по этому сообщению резолюция фиксировала:

«Миссия Яковлева считается оконченной. О всех его дей-

¹ И о ф ф е Г. Крах российской монархической контрреволюции. М., «Наука», 1977, с. 156.

ствиях, как представителя правительства, сообщить в Президиум ВЦИК».

Вскоре Яковлев открыто перешел на сторону контрреволюции¹.

Пожалуй, одним из самых рьяных врагов Советской власти в Тобольске был престарелый епископ Гермоген. Все нити монархического заговора тянулись в те дни в архиерейский дом (ныне в нем находится музей-заповедник). Газеты сообщали:

«Епископ тобольский Гермоген открыто с кафедры собора высказывает свои симпатии к низложенному императору. Нередко в воскресных беседах Гермоген говорит о тяжелой жизни, которую ведет бывший император»².

После увоза Николая II Гермоген продолжал хулить «антихристов-большевиков». Члены исполнительного комитета во главе с Хохряковым решили призвать распоясавшегося владыку к порядку.

Но епископ, кем-то предупрежденный, успел до прихода красногвардейцев скрыться (как стало известно позднее, на конспиративной квартире по улице Береговой).

Хотя Хохряков имел в руках гермогеновские листовки «Помочь царю-батюшке постоять за веру православную» и другую переписку, «очень компрометирующую владыку как политического деятеля», исполнительный комитет сообщил епархиальному совету, что Гермогена пока трогать не будут. Но взамен было поставлено условие: он не должен произносить контрреволюционных проповедей.

Гермоген дал честное слово, однако его не сдержал, решив, что проявленное к нему снисхождение есть признак слабости Советской власти. И во время заутрени в Софийском соборе в Тобольском кремле начал обвинять большеви-

¹ См.: Городецкий Е., Шарапов Ю. Свердлов. М., «Молдая гвардия», 1971, с. 311.

² «Уральская жизнь», 1917, 31 окт.

ков в святотатстве и других «непристойных» делах. Епископ призывал прихожан выступить на его защиту и так возбудил их, что они согласились устроить крестный ход.

В городе создалась тревожная обстановка. И как указывал Хохряков: «Все эти обстоятельства вызвали крайнее озлобление среди отрядов Красной гвардии, и в предупреждение гражданской войны и кровопролития было постановлено: епископа Гермогена как нарушившего обещание подвергнуть аресту и увезти из Тобольска, что и было исполнено без всяких эксцессов и осложнений вечером в воскресенье 28 апреля.

Никаким оскорблениям епископ не подвергался, отношение к нему предупредительное, и все его близкие могут быть совершенно спокойны за его судьбу».

30 апреля Хохряков на пленарном заседании Тобольского Совета подробно рассказал и об отправке в Екатеринбург Николая Романова и об аресте Гермогена. Совет признал правильными все действия исполкома и его председателя.

Так был ликвидирован в Тобольске заговор монархистов.

На другой день тоболяки впервые свободно отметили праздник 1 Мая. По улицам с революционными песнями шли колонны демонстрантов с красными знаменами и лозунгами: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «Мир хижинам, война дворцам!», «Долой мировую буржуазию!», «Да здравствует РКП и ее вождь товарищ Ленин!». Около Народного дома состоялся многотысячный митинг.

Важным политическим событием в жизни Тобольска стало и второе общегородское собрание большевиков. Оно прошло 12 мая в женской гимназии. С докладом о текущем моменте выступил И. Коганицкий, председатель комитета РСДРП(б) и редактор местных «Известий». Содокладчиками по международному положению были П. Хохряков и И. Пейсель.

В принятой резолюции участники собрания записали:

«Всемерно бороться за Советскую власть и ее укрепление и принимать самое активное участие в работах Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Считая необходимым углубление революции и ее лозунгов среди пролетариата, Тобольская организация Российской коммунистической партии (большевиков) принимает активное участие в работах профессиональных организаций, руководя их жизнью и поднимая сознательность пролетариата и беднейшего крестьянства, проводит лозунги коммунистической партии»¹.

Собрание также рассмотрело и обсудило коллективное заявление одиннадцати членов революционного кружка учащихся сельскохозяйственной школы из Соколовки о приеме их в большевистскую партию. Весь кружок был единогласно принят в партию с пожеланием, чтобы он «послужил ядром для организации при комитете (большевиков) молодежи как пролетарской, так и учащейся, в чем им будет оказано содействие».

Таким образом, на этом собрании были, по сути дела, заложены основы будущей комсомольской организации Тобольска...

Советская власть в городе и в уезде победила. Но работы предстояло еще много. По воспоминаниям Т. Наумовой, Хохряков часто по телеграфному проводу связывался с Я. М. Свердловым:

— Поговорю с Яковом Михайловичем... Надо посоветоваться с Яковом Михайловичем...

И всегда получал нужную помощь.

Но скоро Хохрякову пришлось расстаться с Тобольском. Уралсовет отозвал его обратно в Екатеринбург в штаб резерва Красной Армии: нужно было срочно переформировывать красногвардейские дружины в регулярные роты и ба-

¹ Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии. Сборник документальных материалов, с. 200—201.

тальоны. Председателем исполнительного комитета Тобольского уездного Совета стал Георгий Дислер.

На пароходе «Русь» Хохряков приплыл в Тюмень вместе с оставшимися членами семьи Романовых. Прямо на пристань подали поезд (имелась запасная ветка).

Н. Немцов, тогдашний председатель Тюменского исполнительного комитета, впоследствии писал: «Вышел я из каюты и посмотрел, как царская челядь грузит в вагоны громадное количество различного скарба. Жадная суетливость вокруг вещей совершенно отодвинула какую-либо заботу о «венценосных» наследниках. Даже высшие представители челяди: доктор Боткин, граф Татищев, князь Долгоруков, граф Гендриков, Шнейдер, учителя Жильяр и Гибе — шныряли между дворецкими, камердинерами, горничными и прочими слугами, каждый стараясь удобней устроить вещи, а не вчерашних господ... Поезд медленно двинулся на Екатеринбург...»¹

Хохрякова в своих записках Немцов назвал «чудесным уральским большевиком».

¹ Из воспоминаний Н. Немцова. «Красная нива», 1928, № 28; № 27, с. 17.

При свете неясном и слабом,
Под сенью скрещенных клинков
Начальник Уральского штаба
Матрос молодой Хохряков.
Мне кажется: он непреклонный,
Как раньше, с винтовкой встает,
И снова идут эшелоны,
Как в тот, восемнадцатый год.

Э. Попова. Хохряков

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

В Екатеринбурге Романовых усиленно охраняли. У дома круглосуточно стояли часовые — красногвардейцы, рабочие с Злоказовского и Сысертского заводов — с винтовками и патронными лентами через плечо. Некоторые посты имели пулеметы. Внутри дома тоже находилась вооруженная охрана. Кроме коменданта поочередно несли дежурство и члены областного исполнительного комитета.

Трудящиеся города говорили часовым:

— Смотрите хорошенько, не прозевайте царя, а то и на заводы к нам не показывайтесь...

Неожиданно из Перми нагрянули анархисты. До них дошли провокационные слухи, что Романовы якобы свободно разгуливают по екатеринбургским улицам. Поэтому они решили увезти царскую семью к себе, в Пермь.

Дежурный красногвардейский взвод не пустил прибывших анархистов в город. Те, разозлившись, открыли в ответ стрельбу. Тогда по телефону вызвали из штаба резерва Красной Армии Хохрякова. Приехав на вокзал, он быстро разобрался, в чем дело, и рассказал незваным гостям о том, как строго содержатся сейчас Романовы.

— Нам, — начал было оправдываться пристыженный главарь пермяков, — насвистели...

— А вы, как малые дети, — отрезал Хохряков, — басням глупым поверили!.. Для чего вам Советская власть разрешает иметь оружие? Чтобы бунты и перестрелки затевать?.. На

фронт лучше отправляйтесь! С бывшим императором здесь и без вашего вмешательства управимся...

Красногвардейца Медведева тронул за плечо его товарищ:

— Видал, Шурка? Этот дядя — с лихим чубом, ох и дрянь, поди. Больше всех прыгал тут и орал — стреляй, мол, их!.. А какой тихоня теперь... Прямо — шелковый!..

Анархисты, посоветовавшись, спокойно сели в вагоны и двинулись в обратный путь...

— Вот так лучше, — сказал Хохряков, глядя вслед удалявшемуся поезду. — А то: «Мы, анархисты, стремимся к мировому освобождению труда и к уничтожению капитала, какой-то злой и страшный дьявол вставил в наши груди каменные сердца...» Слушать тошно!..

Штаб резерва Красной Армии помещался в доме № 11 по Ломаевской улице¹ (ныне улица Февральской революции). В любое время резерв мог быть переведен на положение кадрового подразделения. Поэтому Хохрякову приходилось заботиться не только о боевом обучении красногвардейских дружин, но и об организации оружейного, вещевого, продовольственного и инженерного складов.

Дружина с февраля 1918 года считалась на Урале тактической единицей в Красной гвардии. Она обычно состояла из четырехсот человек. Имелись пехотные и кавалерийские дружины, встречались и артиллерийские. В артиллерийских людей, конечно, было меньше. Части регулярной армии вначале формировались по принципу дружин.

22 апреля вышел Декрет ВЦИК об обязательном военном обучении. Всеобщее военное обучение стало одним из важных условий для массовой подготовки армейского резерва.

Боевая учеба екатеринбургских красногвардейцев велась под наблюдением Хохрякова. Отработав смену на заводах и фабриках, они спешили в свои районные штабы.

¹ См.: «Уральский рабочий», 1918, 13 апр. (31 марта).

«Наш отряд, конники,— вспоминал А. Медведев,— рубил лозу, проходил седловку, конный строй и конную гимнастику, необходимую в бою. Так, бывало, за день в седле наломался, что вечером едва дотянешь голову до подушки. Где уж тут гулять, хотя и сердились на нас поселковые девчата, наши подружки».

Можно сказать, что Советское правительство начинало одновременно с добровольческим принципом и подготовку строительства кадровых вооруженных сил на основе всеобщей воинской обязанности. Только на Урале этот переход проходил уже в условиях борьбы с мятежным чехословацким корпусом и поддерживавшими его белогвардейцами.

Существование молодого социалистического государства не в шутку тревожило западные державы. Почти с самого начала Октябрьской революции Антанта начала распространять свое влияние в Архангельске, Мурманске и Владивостоке. Кайзеровская Германия нарушила условия Брестского мира. Но для активной борьбы с Советской Республикой требовалась какая-то мощная вооруженная сила. Внутренняя контрреволюция такую силу весной и летом 1918 года выставить не могла.

Надежда на Дутова и на других атаманов была слабая. Казачья верхушка по-настоящему поддерживала своих вождей лишь в дни удач. Беднейшее же казачество признавало и защищало Советскую власть. Поэтому Антанта остановила выбор на чехословацком корпусе, созданном в России из бывших военнопленных. Это было то, что ей сейчас как раз и требовалось. Чехословацких легионеров можно было бросить на борьбу с Советами без всякого ущерба для фронтов империалистической войны. Солдатам же корпуса реакционные офицеры заявили, что большевики якобы не хотят выпустить их из своей страны. А корпус этот возник как воинская единица, которую Антанта собиралась направить против немцев и австрийцев.

Спровоцировав чехословаков, зачинщики интервенции

мечтали сразу захватить весь Урал с его природными богатствами и промышленностью. С Урала пролегал и прямой путь в хлебобородные районы Западной Сибири. И, кроме того, этот край мог стать соединительным центром всех контрреволюционных сил России: ее европейской и азиатской частей.

Правда, не все бывшие солдаты австро-венгерской империи поддались провокации, не все нацепили на мундиры красно-белые ленты. Некоторые из чехов вступили в ряды новой армии Советов и отстаивали завоевания Октября. Среди них был и известный писатель Ярослав Гашек...

Партийные, советские и профсоюзные организации призывали трудящихся к отпору контрреволюции и разъясняли в своих воззваниях сущность мятежа чехословацкого корпуса. В одном из обращений областного совета профсоюзов Урала говорилось:

«Английские и американские империалисты, не вводя на территорию Советской России своих войск, все время действовали иными способами к достижению своей цели, они субсидировали и принимали определенное участие в контрреволюционных выступлениях страны, и теперь, в момент военной опасности революционному Уралу со стороны чехословацких банд, установлено прямое участие в этом контрреволюционном выступлении «союзников», которые через командный состав этих банд хотят задушить Советскую власть»¹.

Перед самым чехословацким мятежом на Урале и в Сибири начали вспыхивать кулацкие восстания. Под Екатеринбургом на Сибирском тракте и на других ближайших дорогах часто появлялись подозрительные люди, на крестьянских подводах обнаруживалось искусно спрятанное оружие.

Из Екатеринбурга на фронт почти ежедневно уходили красные отряды. Самый крупный экспедиционный отряд начал формироваться 8 июня. Он должен был выступить в сторону Тюмени и Тобольска, где положение становилось осо-

¹ История гражданской войны в СССР, т. 3, с. 185.

бенно напряженным, и защищать подступы к Екатеринбург с северо-востока. Красногвардейцы интересовались, кто возглавит их отряд, и, разведав, что командиром назначают Хохрякова, удовлетворенно говорили:

— Сам начальник нашего штаба. Мужик смелый, находчивый и в Тобольске бывал... Дела тамошние хорошо знает! С ним не пропадешь...

Отряд должен был отправиться из Екатеринбурга 12 июня. В оставшиеся дни Хохряков подбирал командный состав, заботился о вооружении, о боеприпасах. Активное участие в формировании отряда принимала и рабочая молодежь Екатеринбурга. Случалось, что в штабе вдруг встречались парни, жившие на окраинных улицах, которые издавна враждовали между собой. Сохранялись в городе еще такие «старинные обычаи». Хохряков об этом знал.

— Выбирайте,— заявлял он уличным «воякам», видя, как те, насупившись, грозно смотрят друг на друга,— или по-прежнему станете носы себе разбивать, или свою народную власть пойдете защищать... Советую выбрать последнее, не торговаться... Только дисциплина в отряде строгая!.. Если не хотите, конечно, не надо. Без вас справимся...

12 июня отряд в полном снаряжении с духовым оркестром промаршировал по улицам Екатеринбурга от бывшей Макаровской фабрики и выстроился около штаба резерва Красной гвардии. Здесь был оглашен приказ, что «отряд рабочих красногвардейцев 6-го района переименовывается в отряд карательной экспедиции Тобольского направления».

Затем под громкое «Ура!» было официально объявлено о назначении командиром Павла Хохрякова. После слово взял комиссар снабжения Уралсовета Войков, недавно побывавший в Камышловском, Шадринском и Тюменском округах. Он рассказал о положении в этих местах и подробно разъяснил красногвардейцам задачи, которые поставлены перед отрядом.

Из здания штаба Войкову вынесли две охотничьи сумки с двумя миллионами рублей в тысячных бумажках. Комис-

сар снабжения надел эти сумки на казначея Абакумова и вручил ему новенький «кольт» «охранять кассу». Деньги предназначались для закупки продуктов питания во время пути. Продовольственных запасов Уралсовет, к сожалению, много выделить не мог. В заключение Хохряков прочитал «Наказ красногвардейцу» и заверил провожающих:

— Вернемся в родной Екатеринбург только с победой!

Под звуки «Варшавянки» отряд тронулся в сторону вокзала. Впереди в кожаной куртке и в матросской бескозырке, на ленте которой блестели слова «Заря свободы», шел командир. Замыкающими были десять кавалеристов и одно трехдюймовое орудие...

На перроне молодые бойцы затеяли песни и танцы, но лишь горнист проиграл «сбор», как все выстроились у эшелона. Начальник Красной гвардии Железнодорожного района Самохвалов пожелал им благополучно возвратиться со скорой победой.

Хохряков громко сказал в ответ:

— Именно, с победой! И былую честь и славу наших дедов и отцов, боровшихся с самодержавием и погибших в царских тюрьмах, на каторге и на баррикадах, не посрамям!

Оркестр заиграл «Интернационал», началась посадка в вагоны. Когда паровоз дал последний с короткими перерывами гудок и медленно тронулся, Хохряков вскочил на подножку штабного вагона, снял бескозырку и махал ею, пока был виден знакомый вокзал и провожающие...

13 июня Уральский областной комитет большевистской партии созвал совещание с участием прибывших в Екатеринбург членов Высшей военной инспекции, посвященное положению на фронте. Все, кто присутствовал на нем, пришли к общему мнению, что необходимо как можно быстрее создать единый центр оперативного управления на Урале и в Сибири.

Так было образовано крупное полевое объединение — Северо-Урало-Сибирский фронт по борьбе с контрреволюцией. Командующим утвердили Р. Берзина, члена партии с

1905 года, участника II Всероссийского съезда Советов, члена Высшей военной инспекции. Ближайшими его помощниками стали военный комиссар Уральского военного округа С. Анучин и военный руководитель округа Д. Надежный.

В своем первом приказе Берзин писал:

«Приказываю всем рабоче-крестьянским войскам Красной Армии, всем пролетарским отрядам, всем командующим, комиссарам и начальникам советских войск быть организованными и истинными революционерами в беспощадной борьбе с врагами трудового народа и исполнять все распоряжения. Нет и не будет пощады тем, кто поднял меч против рабочих и крестьян, против их власти — власти Советов и Советской Республики...»

Утром 14 июня экспедиционный отряд Хохрякова выгружался в Тюмени, которая уже шестой день находилась на военном положении. Вокруг города рылись окопы, натягивались проволочные заграждения. В своей резолюции от 11 июня местный Совет потребовал привлечь для этих работ «буржуазию и всех бездельников».

Еще 7 июня газета «Известия ВЦИК» сообщила:

«Рабочие Тюмени и окрестностей, понявшие опасность, которая грозит завоеваниям пролетарской революции, всем завоеваниям рабочего класса, быстро начали с 26 мая организовываться для защиты Советской власти. —

Все новые и новые кадры вооруженных рабочих предлагают себя в распоряжение военно-революционного штаба. Военно-революционный штаб, состоящий из представителей Совета и военных руководителей, энергично приступил к организации обороны Тюмени».

Отряды тюменских красногвардейцев вели тяжелые бои на Ишимском, Шадринском и Курганском направлениях с белочехами и белоказаками. Омск и Томск пришлось оставить. Советские учреждения эвакуировались оттуда в Тюмень. Был оставлен и Тобольск. Поэтому возникло новое направление, Тобольское.

После занятия Тобольска в руках у противника оказалось много пароходов. Вооружив их пушками и пулеметами, белогвардейцы начали продвигаться по реке Тобол к Тюмени. Военно-революционный штаб Западной Сибири, который возглавил Г. Усиевич, член большевистской партии с 1907 года, решил организовать Тюменскую речную флотилию. На этом же усиленно настаивал и командующий Северо-Урало-Сибирским фронтом Р. Берзин.

Основу флотилии составил отряд Хохрякова, сам он был назначен ее командующим. В его распоряжение выделили несколько различных судов, «забронированных» тюками и мешками с песком. Штаб разместился на буксире «Ермак», на нем же Хохряков укрепил орудие, привезенное из Екатеринбурга. Для разведки использовали буксир «Константин» и моторные катера «Лизу», «Оку» и «Конду». Один из пароходов отвели под плавучий лазарет. В арсенале флотилии числилось двадцать семь пулеметов и два трехдюймовых орудия. Помогли по-братски тюменцы, правда, с продовольствием и у них оказалось туго.

«Тюмень не смогла дать запасов хлеба для отряда и овса для десятка кавалерийских лошадей, зато выделила целых два вагона... компота «японский ананас» и столько же сигарного американского табаку.

По этому поводу красногвардейцы шутили:

— Туго придется — кашевары этого самого, японского-то, погуще заварят. Глядишь, и сыты все. А вовсе брюхо затоскует — покурить можно. Табачок не простой, американский»¹.

Дымя трубами, флотилия стройной кильватерной колонной двинулась вниз по Туре к Тоболу. На капитанском мостике «Ермака» с рупором, расставив широко ноги, дежурил Хохряков, он четко руководил движением судов. Рядом сигнальщики наблюдали в бинокли за притихшими берегами.

¹ Бажов П. Бойцы первого призыва. Свердловск, Свердловское кн. изд-во, 1958, с. 160—161.

Белогвардейцы на Тобольском направлении располагали не очень-то большой силой, примерно около тысячи человек.

Но им активно помогали кулаки окрестных сел и деревень, бывшие полицейские урядники, стражники, лавочники.

«Отряд с первых же своих шагов,— писал П. Бажов,— оказался в окружении замаскированного и открытого классового врага. Стоило, например, красногвардейцам развесить на поручнях парохода свое выстиранное белье, как сейчас же из леса показывались люди и обрадованно спрашивали: «Вы белые?»...

Однажды под вечер с головного судна «Отважный» слышался резкий крик сигнальщика:

— Люди на левом борту!

На песчаной косе два человека дружно махали шапками и просили взять их с собой.

— Вы свои? — весело полюбопытствовал один из них, когда «Отважный» приблизился к берегу.

— Свои, свои,— не раздумывая, произнес капитан «Отважного» Анисимов и приказал бросить трап.

Незнакомцы спокойно поднялись на пароход. И только тут все увидели у них на плечах офицерские полевые погоны.

— Арестовать! — охнув, распорядился Анисимов.— И немедленно — на «Ермак».

Через десять минут на палубе «Ермака» произошла непредвиденная встреча. Старший из офицеров оказался давним знакомым Хохрякова. В шестнадцатом году он служил на «Александре II» и среди матросов пользовался дурной славой.

— Здравствуйте, мичман Плотнев,— удивленно начал Хохряков, сдвинув на затылок бескозырку.— Или чин у вас теперь другой?

— Унгер-офицер Хохряков!.. Ты... Ты...— Плотнев от изумления стал заикаться.— Ты, ты...

— Я, я! — подтвердил Хохряков.

— Никак не думал, что большевистской флотилией командует тот самый кочегар Хохряков,— продолжал изум-

ляться Плотнев.— Нет, это невероятно!.. Без руководящей офицерской руки?.. Я думал, что Хохряков — какой-то красный каперанг...

Выяснилось, что наступающим белогвардейцам хорошо известна численность и вооружение флотилии. Из каких источников это исходило, мичман не сказал. Упрямо молчал и его спутник...

Первый крупный бой с белыми разгорелся 26 июня у села Бачелино. Медленно скользя вдоль поросшего кустарником берега, флотилия Хохрякова выбрала удобное место и открыла огонь из двух своих орудий. Вокруг вынырнувших из-за поворота пароходов противника поднялись фонтаны воды. Затрещали пулеметы.

Но так как само Бачелино оборонялось с суши двумя сильными офицерскими отрядами, Хохрякову пришлось отойти к селу Иевлево, на Тоболе. Устье реки Тавды было отрезано. Белые, имея в авангарде свою флотилию, двигались на юг вдоль Тобола. Они мечтали как можно быстрее захватить Тюмень, однако им сильно мешали хохряковцы.

Вскоре произошло и второе сражение у расположенного на левом берегу Туры села Покровского, где красная флотилия встала на якорь. В Покровском верховодили кулаки, сумевшие пробраться в местный Совет. Когда об этом узнал сошедший на берег Хохряков, он моментально провел пере-выборы. У кулаков были изъяты излишки хлеба и розданы нуждающимся.

Неожиданно в Покровский Совет по телефону позвонил командующий белогвардейской группой войск полковник Казагранди, велел позвать Хохрякова и предложил ему сдать вместе со всей флотилией. В случае отказа полковник пригрозил, что расстреляет в Тобольске заложников, среди которых находились и родные И. Коганицкого. Сам Коганицкий перед взятием Тобольска успел эвакуироваться в Тюмень и сейчас был начальником связи флотилии. А замести-

телем у Хохрякова стал тоже тоболяк, Матвеев, служивший в свое время в охране Романовых.

Хохряков прямо сказал Казагранди по телефону, что, если заложники будут расстреляны, он экстренно примет ответные меры.

Полковник, замывшись, ничего не ответил и положил трубку. Но разговор этот заставил Хохрякова серьезно задуматься. Сила, конечно, была на стороне белых. В любое время их отряды могли окружить флотилию.

Вызвав разведчиков с катера «Оки», Хохряков приказал им завести мотор, спуститься вниз по течению Туры и тщательно уточнить обстановку:

— Может, где замаскированные пулеметы есть или орудия, может, пароходы контры близко шныряют...

Там, где Тура впадает в Тобол, на левом берегу горел костер. Старший разведчик Г. Шестаков попросил капитана «Оки» приготовить лодку...

Перед костром сидело четверо пожилых людей с сетями. Они назвали себя рыбаками и довольно охотно вступили в разговор. По их словам выходило, что вооруженных «человек» в этой болотной, забытой богом глухомани нет.

Но лишь «Ока» собралась тронуться дальше, как из-за бугра внезапно выскочил пароход и открыл артиллерийский огонь. К счастью, не очень-то точный: то с перелетом, то с недолетом. С берега ему стали помогать короткими пулеметными очередями «рыбаки».

Разворот — маневр очень трудный, да еще «Ока» от неожиданности чуть не врезалась носом в песок. Был ранен в ногу пулеметчик Иван Чердынцев, но разведчики все-таки начали отвечать противнику плотным винтовочным огнем. Однако, сообразив, что по-настоящему ввязываться в бой не стоит, они быстро поплыли назад.

Оказалось, что Хохрякову о движении белогвардейцев было уже известно от местных крестьян. Тем не менее он решил еще раз проверить полученные данные и направил на разведку более крупный и более ходкий катер «Конду», но

и «Конду» обстреляли с парохода и с берега. Тогда Хохряков отдал приказ: готовиться к бою.

Загремев якорными цепями, флотилия отошла от Покровского. Ее командующий не хотел, чтобы село пострадало от артиллерийского огня.

3 июля газета «Борьба с контрреволюцией» писала:

«В Тобольском районе 29 июня противник повел наступление на село Покровское, что в восьмидесяти верстах восточнее Тюмени. Наступающий противник двигался по тракту и на пароходах по реке Тобол...»

О прошедшем бое рассказал сам Хохряков в «Письме матроса с Омского направления», напечатанном 23 июля в той же газете. Правда, по тактическим соображениям он изменил название своего отряда, вместо «Тобольского направления» указал «Омское» и не поставил полностью свою фамилию. Вот это письмо:

«Дорогие товарищи! Принимайте зависящие от вас меры для посылки нам всего требуемого: самое главное — пушек, артиллеристов, пулеметчиков и снарядов. Если все это будет у нас, то мы готовы драться хоть с самим владыкой ада. Люди наши идут в бой молодецки, по нескольку суток не спят, бывают в разведке, в засадах, сидят в окопах.

На днях у нас был бой морской, я командовал шестью своими кораблями, столько же приблизительно оказалось у неприятеля. Мы схватились под Покровским селом, родиной Гришки Распутина. У меня флагманский головной корабль с трехдюймовым орудием и тремя пулеметами. Кораблишко, конечно, невидный, адмирал-то я тоже не особенный, а против меня вышла морская бригантина, которой командовал офицер флота.

Дело, братцы, было горячее, в продолжение двух с половиной часов мы жарили один другого из орудий и пулеметов, сходясь на расстоянии двухсот саженей. Враги на палубах своих кораблей подставили под выстрелы наших пленных товарищей. В конце боя, когда мы, лавируя, отступали и наступали, противник оттеснил нас верст на десять. Но, сде-

дав два удачных маневра, мы стали бить морскую бригантину и отогнали ее туда, откуда она вышла, сломали ее гребной винт, разрушили рубку, и противник в паническом ужасе стал удирать.

В данное время мы уже продвинулись водою на тридцать три версты. В одном месте противник, увидя нас, скорее погрузил все на борт своих судов. Даже оставил на берегу двух зарезанных коров и не успел шкуры с них содрать.

Но теперь враги стягивают большие силы в Бачелино, укрепляют там позиции, есть даже проволочные заграждения. Чтобы взять это, надо силу. Наши отряды, высаженные десантом, дрались великолепно. Товарищ Прокопьев, смертельно раненный, еще отдавал распоряжения. Настроение бодрое, идем вперед, да и нельзя иначе: против нас даже мало чехословаков, исключительно белое офицерье.

Скажите по заводам всем рабочим, что мы все как один готовы погибнуть за рабоче-крестьянскую революцию.

Прощайте, дорогие товарищи! Привет от отряда Центрального штаба.

3 июля 1918 года.
Матрос (подпись)».

«Морской бригантиной» Хохряков называл морскую шхуну «Св. Мария», на которой заговорщики-монархисты весной хотели увезти Романовых из Тобольска. Первый удачный маневр заключался в том, что Хохряков сам встал у орудия и подбил «Св. Марию». Другой белогвардейский пароход — «Товарищество» — хотел взять ее на буксир, но, получив сильное повреждение, отошел. Это был второй удачный маневр.

Затем, высадившись с частью бойцов на берег, Хохряков погнал противника по Тобольскому тракту. Оставшиеся бойцы во главе с Валентином Кангелари, военным врачом, членом большевистской партии с мая 1917 года, организатором красногвардейских отрядов в Омске, начали обход Покровского, куда во время речного боя незаметно проникло офи-

церское подразделение. «Ермак» же продолжал преследовать подбитые белогвардейские пароходы.

На подступах к Покровскому и был ранен екатеринбургский рабочий Прокопьев, о котором упоминал в своем письме Хохряков. Прокопьева доставили в плавающий лазарет...

Таким образом, наступление противника с севера на Тюмень было сорвано. Хохряковцы уже мечтали об освобождении Тобольска. Но на юге и юго-востоке обстановка складывалась в пользу белых. 10 июля они заняли Ялуторовск. Бои шли на подступах к Тюмени. При сложившейся ситуации флотилия Хохрякова могла легко быть отрезана от главных советских сил. Поэтому он принял единственное правильное решение: возвращаться обратно. Кое-кому такой приказ не понравился: недавние успехи многим бойцам вскружили голову. Пришлось Хохрякову созвать митинг, рассказать о создавшемся положении и напомнить о воинской дисциплине.

В своих небольших мемуарах «В отряде матроса Хохрякова» Г. Шестаков, разведчик с катера «Ока», писал:

«До Тюмени ехали три дня. Прибыв в Тюмень на рассвете, Хохряков взял с собой пять человек, в том числе и меня, и мы отправились в штаб фронта. Нас удивила тишина на улицах города. Хохряков, предугадав, что тут что-то неладно, дал нам указание быть начеку. Подойдя к зданию штаба, мы увидели на ступеньках крыльца кучи разбросанных бумаг. В здании была точно такая же картина: перевернутые столы, стулья, вороха бумаг — и ни одного человека.

Мы поняли, что командование уже покинуло Тюмень, но не знали, имеются ли какие-нибудь воинские части в городе или на станции. Нам оставалось одно — быстрее вернуться на пароходы и отступать дальше вверх по Туре к городу Туринску».

22 июля в Туринске стало известно, что Тюмень захвачена белогвардейцами. В тот же день здесь состоялось чрезвычайное заседание уездного комитета большевистской пар-

тии и уездного Совета. Какими силами защищать город? Одними своими ведь не обойтись! А противник после Тюмени обязательно двинется сюда...

Обсудив все варианты и предложения, участники совещания пришли к единому выводу: надо готовить эвакуацию партийных и советских учреждений.

Через три дня части полковника Казагранди уже подошли к границам Туринского уезда. Направленный им навстречу красногвардейский отряд П. Цыкина был разбит под селом Липовкой.

А вечером 26 июля в городе началась паника: за крутым изгибом реки у железнодорожного моста вдруг задымили какие-то пароходы со спущенными флагами. Людей на палубах не было видно, только на носу головного чернела расчехленная пушка.

Неизвестная флотилия не спеша подходила к Туринску. Местные красногвардейцы, поднятые по тревоге, заняли позиции около пристани и вдоль берега. Неужели это пожаловал сам Казагранди? Но нет!.. На первом пароходе «Ермак» взметнулся кумачовый флаг.

Обрадованные красногвардейцы дружно замахали в ответ фуражками и картузами.

На капитанском мостике «Ермака» оказался человек в матросской бескозырке и кожаной куртке. Через рупор он подал команду пришвартовываться. Это был Павел Хохряков. Оказывается, он также опасался, что Туринск взят Казагранди.

В Тюмени флотилия Хохрякова увеличилась в несколько раз. К ней присоединились и суда, стоявшие у тюменской пристани. В их трюмы предусмотрительно было погружено то, чем мог бы воспользоваться враг. Маленькие буксирные тянули за собой плоты. Вскоре эти плоты были отцеплены от буксиров и пущены вниз по Туре. Пока белогвардейцы расчищали реку от бревен, красная флотилия успела дойти до Туринска.

Правда, в пути приходилось высаживать порой бойцов на берег и тащить глубоководные пароходы лямками. На перекатах река оказывалась такой мелкой и узкой, что терялась скорость.

С прибытием флотилии силы красных в Туринске удвоились. Хохряков получил от командования приказ задержаться здесь и помочь организовать оборону города, чтобы можно было успеть вывезти ценное имущество. Кроме того, сюда по железной дороге из-под Тавды отступал с боями отряд венгерских интернационалистов. Надо было их дожидаться.

27 июля утром завязалась ожесточенная перестрелка около деревни Луговой, туда подошли белые. А через несколько часов они появились и перед деревней Антоновкой. Хохряков, взявший на себя управление обороной города, понял, что Туринску вот-вот грозит окружение. В опасности находился и железнодорожный мост, и понтонная переправа через реку. По его приказу туринские красногвардейцы быстро ее разобрали. Тогда белые бросили свои основные силы к мосту, но там их ждали и встретили пулеметной очередью.

Чтобы суда флотилии не достались врагам, решено было привести в полную негодность паровые машины и механизмы. В спешном порядке с пароходов сводили по сходям лошадей, выкатывали повозки, выносили продовольствие и имущество, в трюмах оказалось много мануфактуры. Часть ее раздали окрестным жителям, часть погрузили в подготовленные к отправке эшелоны.

А неуправляемые, разоруженные пароходы, всего их было сорок пять, один за другим пускались вниз по реке. Поблагодарив механиков, кочегаров, машинистов за добросовестно проделанную работу, Хохряков объявил им, что с сегодняшнего дня они свободны. Двадцать пять человек тут же добровольно вступили в отряд.

Вскоре принесли известия разведчики: белые обходят Туринск. Горнист проиграл тревогу, и Хохряков повел своих бойцов навстречу врагу.

Когда показались белогвардейские цепи, заговорило ору-

дие, снятое с «Ермака». Противник дрогнул, да тут еще на помощь подоспели и венгры интернационалисты.

Но под вечер новые вражеские подразделения появились уже под станцией Лопатково, кольцо вокруг Туринска смыкалось. И Хохряков принял решение оставить город.

Поздней ночью последний эшелон с хохряковцами и присоединившимися к ним интернационалистами и частью туринских красногвардейцев под командованием Абросова двинулся на Ирбит. Другая же часть туринцев под командованием Цыкина отступила по Верхотурскому тракту.

Белогвардейцы, воспользовавшись темнотой, пустили в сторону движущихся эшелонов Хохрякова никем не управляемый паровоз с двумя платформами. Примерно в километре от Туринска он столкнулся с головным красногвардейским составом. Машинист и помощник были убиты, кочегар — тяжело ранен. Первые вагоны, в которых ехали речники-добровольцы, разлетелись в щепки.

Даже Хохряков, прибывший после бессонной ночи к месту крушения, на какой-то момент растерялся. Он схватился за пистолет, и его лицо задергалось нервной судорогой. Но это было лишь мгновение... «Через минуту,— вспоминал И. Коганицкий,— он уже снова кипел энергией, отдавая приказания и возбуждая других для деятельности, пока не свалился как пласт и не заснул от переутомления».

Вечером 18 июля в Москве под председательством В. И. Ленина проходило заседание Совнаркома: обсуждались проекты здравоохранения. Доклад делал народный комиссар здравоохранения Н. А. Семашко. В это время в зал осторожно вошел Я. М. Свердлов и сел на стул, стоявший позади В. И. Ленина. Когда Семашко кончил, Свердлов наклонился к Ленину и что-то шепнул ему.

— Товарищ Свердлов,— объявил Владимир Ильич,— просит слово для сообщения.

— Я должен сказать,— начал Свердлов, не повышая голоса, обычным своим тоном,— получено сообщение, что в

Екатеринбурге по постановлению областного Совета расстрелян Николай. Николай хотел бежать. Чехословаки подступали. Президиум ВЦИКа постановил одобрить.

Ответом на это было молчание всех участников заседания.

— Теперь перейдем к постатейному чтению проектов,— предложил Ленин...¹

Точно так же весть о казни последнего самодержца встретила и трудовая Россия: она молча перешла к очередным, более важным делам.

Расстрел Романовых был вызван сложившейся обстановкой на Восточном фронте. К середине июля последним крупным центром, сопротивлявшимся чешским легионерам и белогвардейцам на всем протяжении от Иркутска до Самары, оставался лишь Екатеринбург. В Екатеринбурге находились руководящие партийные и советские органы Урала, штаб Северо-Урало-Сибирского фронта, штаб Уральского военного округа. Противник считал, что, захватив город, он по-настоящему установит свое господство над всем краем, а освобожденный Николай Романов делается знаменем контрреволюции. В Екатеринбурге создались несколько подпольных монархических групп, которые должны были установить связь с бывшим царем и организовать ему побег.

Увезить Романовых из Екатеринбурга было некуда, да и далеко небезопасно. Поэтому по решению президиума Уральского областного Совета их расстреляли.

В ночь на 25 июля последние красные подразделения покинули город, чтобы избежать лишних жертв среди его жителей и разрушений от артиллерийского огня. Центром красного Урала теперь становилась Пермь, в нее из Екатеринбурга эвакуировались партийные и советские учреждения, там же разместился и штаб 3-й армии, сформированной из войск упраздненного к тому времени Северо-Урало-Сибирского фронта.

¹ Городецкий Е., Шарпов Ю. Свердлов, с. 313—314.

«Столица Урала — Екатеринбург — пала, — говорилось в приказе Р. Берзина. — Наши войска отходят на Горнозаводскую линию... Бои последних двух недель вскрыли все недочеты нашей военной организации. Героически настроенные, рвущиеся в бой красноармейцы должны были отступить, так как война требует не только готовности умереть, но и умения победить».

Отходившая Красная Армия пополнялась большим количеством добровольцев — рабочих, не хотевших оставаться в «царстве беляков». Их естественное стремление было, как можно быстрее разбить противника, освободить Екатеринбург и возвратиться на свои заводы.

Отдельные красные отряды несколько раз пытались в то время отбить у захватчиков столицу Урала. Но их попытки кончались неудачами: слишком неравны были силы. Однако белогвардейцам приходилось какую-то часть своих солдат снимать с Тагильского и Кунгурского направлений и перебрасывать под Екатеринбург. Задерживалось из-за этого наступление и в Поволжье.

Маршал Советского Союза Ф. И. Голиков, бывший летом 1918 года пулеметчиком 1-го крестьянского коммунистического полка Красных Орлов, указывал:

«Очень пугали белогвардейское командование активность наших частей в районе Режевского завода и небольшие наступательные попытки от этого завода в сторону Екатеринбурга, где в боях в направлении станции Монетной особенно отличились воины под командованием известного героя гражданской войны матроса П. Д. Хохрякова».

Хохряков вместе с отрядом из Ирбита был отправлен командующим этим участком фронта Овчинниковым в район Егоршина.

На него возлагалась оперативная задача прикрывать отход частей Красной Армии, отступавших на северо-востоке. Задерживать белых надо было как можно дольше, чтобы

отряды, ушедшие из Екатеринбурга, могли закончить свое переформирование.

На боевых позициях хохряковцы сменили подразделения 1-го Горного полка. Сам Хохряков показал своим бойцам, как надо занимать оборону около железнодорожной линии.

В первом сражении, когда противник открыл шрапнельный огонь, хохряковцы вместе с красноармейцами 1-го Горного полка бросились в контратаку. Хохряков бежал впереди цепи.

— В перебежку! — слышалась его команда. — Через речку!.. Занять позицию за мостом!..

После этого успешного боя начальник Екатеринбург-Егоршинского направления издал приказ:

«Приношу сердечную благодарность всем товарищам красноармейцам 1-й роты 1-го Горного полка и екатеринбургского отряда Хохрякова за их стойкое сопротивление, а командирам роты и отряда Хохрякова помимо этого большое спасибо за хорошее расположение войск и за удачно выбранную позицию, этим они спасли от напрасных жертв своих товарищей».

Через день к Хохрякову подоспело подкрепление, «гостинец», как шутили бойцы: бронепоезд и артиллерийская батарея.

Вскоре отряд получил новый приказ: повести наступление на Екатеринбург через станцию Богданович.

«Наш отряд, — писали в декабре 1918 года оставшиеся в живых хохряковцы, — занял здесь позицию и в течение двух суток отбил четыре атаки и отбросил противника в бегство»¹.

Атаки начинали белые, но Хохряков, сдержав в конце концов их натиск, поднял своих бойцов в полный рост и, перейдя железнодорожное полотно, ворвался чуть ли не в самый стан врага.

¹ Владимирский Д. Они продолжали сражаться. «Уральский следопыт», 1962, № 8, с. 79.

После Богдановича хохряковцев срочно переправили к Режевскому заводу, где создалось напряженное положение. Две роты Волянского полка, спровоцированные правыми эсерами и меньшевиками, оставили свои наспех вырытые окопы. Один из участков фронта оказался совсем оголенным, его-то и заполнил отряд Хохрякова.

«Прибыли на передовые позиции (там по линии железной дороги дрались против беляков две роты рабочих Режевского завода и рота китайцев),— вспоминал боец хохряковского отряда Г. Шестаков.— Не прошло и получаса, как наш бронепоезд дал первый выстрел. Это был условный знак для наступления. Затрещали пулеметы, послышалась винтовочная стрельба, заухали орудия бронепоезда. Наши бойцы перебежками пошли в наступление. Не выдержав сильного огня из орудий и пулеметов, белые стали отступать. С небольшими стычками мы прошли станцию Крутиха. А на другой день, перегруппировав свои силы, белые начали контрнаступление...»

Был этот «другой день» 17 августа 1918 года. Утром два Горных полка, не выдержав стремительного натиска противника, решили отходить. Пронесся слух, «что-де нас сейчас обойдут и возьмут в плен».

Хохряков, вызванный к Горным полкам, быстро разобрался, в чем дело, и паника была ликвидирована. И пока шла короткая перестрелка, его отряд занял удобную позицию. Под прикрытием бронепоезда уплотненные стрелковые цепи рассыпались за станцией.

Особенно сильный бой разгорелся в четыре часа. Хохряковцы к этому времени, поддерживаемые бронепоездом и трехдюймовой батареей, успели отразить несколько атак. Белогвардейцы и белочехи несколько раз отходили, но после полудня численный перевес все более склонялся на их сторону.

В неизменной кожаной куртке с полевой сумкой на боку, в которой помещалась вся канцелярия отряда, с пистолетом в руке, забыв об опасности, Павел Хохряков появлялся то в центре, то на флангах боевых цепей.

— Вперед! Держитесь крепче! — слышался его голос.

Во главе взвода он перебежал железнодорожное полотно. Противник, отстреливаясь, начал пятиться к синевшему лесу. На помощь к нему спешила дрезина с пулеметом.

Хохряков повернулся к бойцам, хотел что-то крикнуть, но в этот момент вражеская пуля оборвала его жизнь.

— Товарищи, не отступайте! Держитесь крепче! Я умираю за революцию, — схватившись за грудь, только успел сказать он.

Отряд Хохрякова сумел вырваться из белогвардейского кольца и вынести тело своего командира. 23 августа Уральский областной комитет Российской коммунистической партии (большевиков) извещал всех членов партии о том, что один из наиболее активных екатеринбургских партийных работников, честный и стойкий борец за свободу и счастье угнетенных масс матрос Павел Хохряков пал смертью храбрых 17 августа в бою под красной столицей Урала¹.

«Вечный покой тебе, герой революции! — торжественно и печально говорилось в приказе № 123 по 3-й армии Восточного фронта. — Войска 3-й армии, склоняя свои знамена над твоим гробом, помнят твои слова: «Товарищи, не отступайте! Держитесь крепче!» — ответят: «Мы отомстим за тебя, наш славный герой!»

23 августа трудящиеся Перми проводили в последний путь начальника Центрального штаба Екатеринбургской Красной гвардии. «Павшему за коммунистическую революцию», «Лучшему солдату социалистической армии, павшему за освобождение человечества», «Смелому бойцу за социализм» — такие надписи, были на венках, возложенных на его гроб.

25 августа в газете Пермского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов было помещено следующее сообщение:

¹ См.: «Уральский рабочий», 1918, 23 авг.

Ровно в три часа погребальная процессия двинулась под звуки похоронного марша от штаба Железнодорожного батальона Красной Армии. Гроб с останками товарища Хохрякова был поставлен на орудие. Позади шли делегации с венками и части Пермского гарнизона с двумя оркестрами музыки. Пройдя по Торговой, Кунгурской и Петропавловской улицам, погребальная процессия остановилась перед могилой, приготовленной на углу Сибирской и Петропавловской улиц¹. С трибуны, поставленной рядом с могилой, ряд ораторов произнесли речи, где призывали продолжать то дело защиты пролетарской революции, в бою за которое пал товарищ Хохряков.

Печальное торжество закончилось звуками похоронных маршей Бетховена и Шопена, исполненных оркестрами Красной Армии».

На траурном митинге выступали командующий 3-й армией Берзин, Голощекин, заместитель Хохрякова по командованию отрядом Матвеев, председатель Совета народных комиссаров Балтийского флота Ф. Федоров, прибывший специально на похороны из Петрограда, представитель Пермского губисполкома Сивков и многие другие.

Прощальный салют из винтовок дали бойцы хохряковского отряда...

После похорон хохряковцы находились в Перми примерно с неделю, а затем их направили на фронт под Невьянский завод, где они влились в состав 3-го Горного полка, а затем в 3-й Екатеринбургский полк. Отряд носил имя Хохрякова, но уже после тяжелых боев под Нижним Тагилом его стали именовать лишь 2-й ротой имени Хохрякова 3-го Екатеринбургского полка.

На переформировании в Нижней Туре в роте было уже только тридцать три человека. И тогда хохряковцы попроси-

¹ Ныне улиц Карла Маркса и Коммунистической. В Комсомольском сквере установлен памятник П. Д. Хохрякову.

ли командование 3-го Екатеринбургского полка перевести их в Пермь, в Железнодорожный батальон. В батальоне служило много рабочих Екатеринбурга. Просьбу бойцов командование выполнило...

В ночь с 14 на 15 июля 1919 года Екатеринбург был освобожден красными дивизиями В. Азина и Г. Овчинникова. Первый номер «Уральского рабочего», вышедший после освобождения города от сил контрреволюции, открывался словами:

«Какие богатыри духа Свердлов, Малышев, Толмачев, Цвиллинг, Вайнер, Хохряков, Шейнкман, Большаков!..»

В этом же номере была помещена статья К. Наумова, посвященная памяти П. Хохрякова.

На левом фасаде свердловского горсовета — барельефы выдающихся уральских коммунаров, отдавших свои жизни за победу нашего народа в гражданской войне. Среди них и барельеф начальника Центрального штаба Екатеринбургской Красной гвардии П. Д. Хохрякова.

А в Куменском районе Кировской области, в селе Верхо-быстрица, на школьном здании установлена мемориальная доска. На ней слова:

В НАШЕМ СЕЛЕ УЧИЛСЯ
ПАВЕЛ ДАНИЛОВИЧ
ХОХРЯКОВ —
АКТИВНЫЙ УЧАСТНИК
ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ
И ГЕРОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.
ИМЕНЕМ ПАВЛА ХОХРЯКОВА
НАЗВАНЫ УЛИЦЫ В ГОРОДАХ:
ЛЕНИНГРАДЕ, СВЕРДЛОВСКЕ,
ТЮМЕНИ,
ТОБОЛЬСКЕ И ПЕРМИ.

В томской газете «Красное знамя» офицер запаса Л. Селиванов 11 сентября 1962 года писал:

«Недавно на пристани в Томске я увидел пароход с надписью «Хохряков». Я никогда не забуду этой фамилии. Ее носил командир батальона, в составе которого я воевал, дважды Герой Советского Союза майор Хохряков¹.

Увидев его имя на одном из пароходов Обского пароходства, я обрадовался как неожиданной встрече с дорогим для моей памяти человеком военных лет...

Но затем я узнал, что пароход «Хохряков» носит имя героя гражданской войны на Урале и в Сибири матроса Хохрякова.

Я не был разочарован. Я убежден, что славное имя моего комбата так же не забыто, как и героя гражданской войны Хохрякова. В памяти народа имена героев вечны...»

Да, имена героев вечны!

¹ Дважды Герой Советского Союза майор С. Хохряков — уралец, воспитанник детского дома. В апреле 1945 г. его танковый батальон шел на Берлин во главе одного из корпусов и ночью попал в засаду из вражеских танков и самоходок. Последние слова майора С. Хохрякова были: «Ребята, смелее, мы их опрокинем!» Советские танкисты пробивались из вражеского кольца, но их командир погиб.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Авдеев А.* Николай Романов в Тобольске и в Екатеринбурге. «Красная новь».. 1928, № 5.
- Бажов П.* Бойцы первого призыва. Предисловие Ф. Голикова. Свердловск, Свердловгиз, 1988.
- Боеданов А.* Моряки-балтийцы в 1917 г. М., Воениздат, 1955.
- Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии (1917—1920 гг.).. Сборник документальных материалов. Свердловск, Средне-Уральское кн. изд-во, 1967.
- Васьковский О., Молодцыгин М., Плотников И. и др.* Гражданская война и интервенция на Урале. Свердловск, Средне-Уральское кн. изд-во, 1969.
- Владимирский Д.* Они продолжали сражаться. «Уральский следопыт», 1962, № 8.. Военные моряки за победу Октябрьской революции. М., Воениздат, 1958.
- Захаров С. П. Д. Хохряков.* Серия «Герои гражданской войны на Урале».. Свердловск, Свердловгиз, 1959.
- Захаров С.* Матрос революции. «Уральский следопыт», 1963, № 11.
- Захаров С.* Последний путь последнего царя. «Октябрь», 1967, № 3.
- Иоффе Г.* Крах российской монархической контрреволюции. М., «Наука», 1977..
- Коганицкий И.* Хохряков. В сб.: Памятник борцам пролетарской революции, погибшим в 1917—1921 гг. М.—Л., Госиздат, 1925.
- Корелин Ф.* Матрос Хохряков. Серия «Моряки — герои гражданской войны».. М., Военмориздат, 1952.
- Ланин Р.* Иван Сладков. Серия «Моряки — герои гражданской войны». М., Воениздат, 1958.
- Матрос революции.* Только документы. Публикация С. Захарова. «Урал», 1971, № 11.
- Медведев А.* Записки красногвардейца.— В сб.: В борьбе за власть Советов. Свердловск, Свердловгиз, 1957.
- Медведев А.* По долинам и по взгорьям. 4-е изд. Свердловск, Средне-Уральское кн. изд-во, 1964.
- Наумова-Теумина Т.* Последние дни последнего царя. «Уральский следопыт», 1959, № 7.
- Роцевский П. П. Д. Хохряков.* Серия «Борцы за победу Великого Октября». Тюмень, Тюменское кн. изд-во, 1957.
- Роцевский П.* Гражданская война в Зауралье. Свердловск, Средне-Уральское кн. изд-во, 1966.
- Сивков П.* Кронштадт. Л., Лениздат, 1972.
- Столяренко М.* Матрос с «Зари свободы.» Серия «Герои и подвиги». М., Политиздат, 1965.
- Столяренко М.* Сыны партии — балтийцы. Л., Лениздат, 1969.
- Старостин А.* Орлята. Сборник рассказов. Литературная запись и литературная обработка С. Захарова. 2-е изд. Свердловск, Средне-Уральское кн. изд-во, 1967.
- Хохряков П.* Мы готовы драться хоть с самим владыкой ада. Статья матроса-большевика. Публикация и предисловие С. Захарова. «Урал», 1969, № 2.
- Шестаков Г.* В отряде матроса Хохрякова.— В сб.: В боях и походах. Свердловск, Свердловгиз, изд. 1959.
- Уральские газеты за 1917—1919 гг. («Уральский рабочий». «Уральская жизнь», «Борьба с контрреволюцией» и т. д.).
- Материалы Центрального государственного архива Военно-Морского Флота, Центрального Военно-Морского музея, партийного архива Свердловской области, Государственного архива Свердловской области, Государственного архива Кировской области.
- Воспоминания старых уральских коммунистов А. Бычковой, А. Медведева, К. Наумова, Т. Наумовой-Теуминой, А. Паромонова и бойцов отряда Хохрякова К. Антипина и Е. Кулаковой.
- Материалы Кировского краеведа В. Пленкова.

Э-38 **Захаров С. А.** Матрос революции. Свердловск,
Средне-Уральское кн. изд-во, 1979.
128 с.+9 с. вкл.
Книга об уральском революционере
П. Д. Хохрякове.

Э $\frac{10302-045}{M158(03)-79}$

ЭКП1(092)

ИБ № 615

●

Стефан Антонович Захаров
Матрос революции

●

Редактор Л. Г. Золотарева
Художник Г. С. Метелев
Художественный редактор Я. И. Чернихов
Технический редактор Л. М. Голобокова
Корректоры Е. В. Иванова, Г. Г. Быкова

●

Сдано в набор 22/III 1978 г.
Подписано в печать 16/X 1978 г.
НС 12293. Бумага типографская № 1.
Формат 70×108/32. Усл. печ. л. 6,0.
Уч.-изд. л. 6,1. Тираж 30 000. Заказ 185.
Цена 40 коп.

●

Средне-Уральское книжное издательство,
Свердловск, Малышева, 24.
Типография изд-ва «Уральский рабочий»,
Свердловск, пр. Ленина, 49.

40 коп.

Свердловск
Средне-Уральское
книжное издательство
1979

